Архим. Михаилъ.

Евангеліе мѣщанъ.

(Ренанъ и его Іисусъ).

1. Введеніе. Характеристика Іисуса по Ренану.
2. Евангеліе мѣщанъ.
3. „Зачѣмъ предаешь меня поцѣлуемъ".

2-ое ИЗДАНІЕ. 7-ая ТЫСЯЧА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ
Москва, — 1907.

Архим. Михаилъ.

Евангеліе мѣщанъ.

(Ренанъ и его Іисусъ).

1 Введеніе Характеристика Іисуса по Ренану.
2. Евангеліе мѣщанъ
3. „Зачѣмъ предаешь меня поцѣлуемъ“.

2-ое ИЗДАНІЕ. 7-ая ТЫСЯЧА.

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА, Пятницкая ул., свой домъ
МОСКВА. — 1907.

73637

„ПАСТОРАЛЬ“,

передѣланная изъ истинно „божественной“ трагедіи [1]).

Сами евангелисты, завѣщавшіе намъ образъ Іисуса, настолько ниже Того, о Комъ разсказываютъ, что они Его безпрестанно уродуютъ, не понимая Его величія.

Характеръ Іисуса далеко не былъ возвеличенъ Его біографами, а, напротивъ, достоинства Его были умалены. Чтобы представить Его такимъ, каковъ Онъ былъ, критика должна отбросить множество ошибокъ, происшедшихъ отъ ограниченности ума учениковъ. *Ренанъ.*

Іисусъ родился въ Назаретѣ, маленькомъ городѣ Галилеи.

Галилейская природа, въ одно и то же время смѣющаяся и грандіозная, была единственной воспитательницей Іисуса.

Онъ не былъ образованъ.

---

[1]) Въ слѣд. главахъ мы даемъ разборъ — Ренановской „пасторали“. Однако думаемъ, что предполагаемая здѣсь передача „Жизни Іисуса“ словами самого Ренана — во многихъ мѣстахъ болѣе полная, чѣмъ въ сущест. изд. — лучше всякаго разбора. На всей книгѣ Ренана лежитъ такая печать самодовольнаго, слащаваго мѣщанства, такой неспособности даже подойти къ глубокому, полному тайны

Его умъ сохранилъ свою первобытную наивность, которую всегда ослабляетъ разнообразная и распространенная культура

Онъ совсѣмъ не зналъ жизни, міра.

Несообразности, которыми полны Его притчи, какъ только дѣло идетъ о царяхъ и богачахъ, доказываютъ, что Онъ смотрѣлъ на аристократическое общество глазами молодого деревенскаго жителя, видящаго свѣтъ сквозь призму своей наивности. Еще менѣе зналъ Онъ о новой идеѣ, созданной греческой наукой, основѣ всякой философіи, которую современная намъ наука вполнѣ подтвердила—идеѣ о несуществованіи сверхъестественныхъ силъ, которымъ наивныя вѣрованія древнихъ приписывали управленіе вселенной. Въ этомъ отношеніи Іисусъ не отличался ничѣмъ отъ Своихъ соотечественниковъ.

Онъ былъ сыномъ Своего народа и во всемъ Своемъ міровоззрѣніи. Цѣлые вѣка одна грандіозная мечта преслѣдуетъ народъ еврейскій и служитъ ему обновленіемъ.

Чуждая нечестивой цивилизаціи, Іудея сосредоточиваетъ всю силу, всю страсть своей любви только на будущности своей націи. Она вѣритъ, что божественные обѣты предвѣщаютъ ей *безпредѣльное будущее*, а такъ какъ горькая дѣйствительность противорѣчила этимъ надеждамъ, Іудея создала себѣ вѣру въ Мессію — судью и мстителя народовъ.

Эти идеи не преподавались ни въ одной школѣ. Но онѣ носились въ воздухѣ, и душа Іисуса была ими про-

---

образу Христа, что достаточно сконцентрировать наиболѣе „выразительныя“ мѣста его романа, написаннаго спеціально для рабовладѣльческаго сентиментальнаго воображенія французскихъ рантье.

А. М.

никнута съ малолѣтства. *Наши* размышленія, *наши* сомнѣнія никогда не волновали Его. Но на этой вершинѣ Назаретской горы, гдѣ ни одинъ современный намъ человѣкъ не можетъ сидѣть, не испытывая какого-то безпокойнаго чувства объ ожидающей его участи, Іисусъ много разъ сидѣлъ безъ малѣйшихъ сомнѣній. Свободный отъ эгоизма, источника нашихъ страданій, Онъ думалъ только о Своемъ дѣлѣ, о Своемъ племени, о человѣчествѣ. Эти горы, это море, это лазурное небо, эти возвышенности на горизонтѣ были для Него не меланхолическимъ видѣніемъ души, вопрошающей природу о своей душѣ, но извѣстнымъ символомъ, легкой тѣнью невидимаго міра и новаго неба.

Большое вліяніе оказалъ на Іисуса бунтъ Іуды Галонита. Но благоразумный Іисусъ не хотѣлъ мятежа и задумалъ иное царство, иное освобожденіе. Климатъ и природа Галилеи создали въ Іисусѣ другія мечты, непохожія на воинственныя мечты Галонита.

Галилея — зеленая, радостная — настоящая страна возлюбленнаго изъ книги „Пѣснь пѣсней“. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, марта и апрѣля, поля здѣсь—одинъ сплошной коверъ изъ цвѣтовъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Животныя малы, но замѣчательно кротки. Нѣжныя и живыя горлицы, голубые дрозды, такіе легкіе, что отъ прикосновенія ихъ трава не гнется, хохлатые жаворонки, подлетающіе къ самымъ ногамъ пѣшехода, маленькія черепахи съ живымъ и кроткимъ видомъ, глубокомысленные журавли,—все это безъ робости приближается къ человѣку и какъ будто зоветъ его къ себѣ.

Вино тамъ было превосходно, и его пили много...

И эта жизнь, полная довольства и легко удовлетворяемая, одухотворялась воздушными грезами и поэтиче-

скимъ мистицизмомъ, смѣшивая въ одно небо и землю. И какія это могли быть грезы, какъ не радостныя *мечты жениха*. Пусть суровый Іоаннъ Креститель въ своей іудейской пустынѣ проповѣдуетъ покаяніе, громитъ все и питается саранчей въ сообществѣ съ шакалами. Зачѣмъ сынамъ брачнаго чертога поститься, когда съ ними Женихъ?! Радость будетъ удѣломъ царствія Божія.

Не дщерь ли она смиренныхъ сердецъ и нищихъ духомъ?

И радостью должно быть пропикнуто слово галилейскаго Мессіи. Такимъ образомъ исторія нарождающагося христіанства *была премилой пасторалью*. Мессія на брачномъ пирѣ, грѣшница и добрый Закхей, призванные къ Его трапезѣ, основатели царства небеснаго, весело пирующіе, — вотъ на что осмѣлилась Галилея и что она допустила...

* * *

И такимъ „Женихомъ", апостоломъ радости и улыбокъ, былъ Іисусъ, пока оставался въ Галилеѣ.

Іисусъ, основавшій истинное царствіе Божіе, царство кроткихъ и смиренныхъ—вотъ Іисусъ первыхъ дней,— дней свѣтлыхъ вполнѣ, во время которыхъ голосъ Отца звучалъ въ Немъ наиболѣе ясно. Тогда-то было нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ-быть, даже годъ, когда Богъ дѣйствительно жилъ на землѣ.

Іисусъ вышелъ на проповѣдь 30 лѣтъ. Скоро Его стала окружать толпа. Его прекрасный характеръ и очаровательная наружность обладали волшебнымъ обаяніемъ.

Въ Своей проповѣди въ это время Онъ доходилъ до крайности: „Если кто ударитъ тебя въ правую щеку,

подставь ему лѣвую". „Если кто захочетъ судиться съ тобой и сниметъ съ тебя нижнюю одежду, отдай ему и верхнюю".

Это было чрезмѣрно, *но не простимъ ли Ему это?..*

Іисусъ не любилъ обрядовой стороны закона.

Никто не былъ менѣе священникомъ, чѣмъ Іисусъ, ни болѣе враждебнымъ къ внѣшнимъ формамъ, только угнетающимъ религію подъ предлогомъ ея защиты. Вѣра чистая безъ священниковъ и обрядовъ — вся суть Его религіозности [1])...

Таковъ былъ Іисусъ Галилеянинъ... Счастливое время!

Не было еще христіанъ, но истинное христіанство было уже основано, и никогда оно не было болѣе совершеннымъ, чѣмъ въ это первое время. Іисусъ не прибавитъ уже къ нему болѣе прочнаго. Что я говорю? Въ нѣкоторомъ смыслѣ Онъ, пожалуй, уменьшитъ его значеніе, потому что каждая идея, чтобы имѣть успѣхъ, должна что-нибудь принести въ жертву. *Изъ жизненной борьбы никто не выходитъ незапятнаннымъ.* Поистинѣ, еще недостаточно постигнуть добро, но надо, чтобы оно имѣло успѣхъ между людьми. Для этого необходимы менѣе *чистые* пути.

И Іисусъ не уцѣлѣлъ отъ порчи...

Началомъ ея была встрѣча съ Іоанномъ Предтечей, т.-е. съ перваго же „выступленія" изъ предѣловъ Галилеи въ Іудею.

У обоихъ учителей — Іоанна и Іисуса — было много общихъ идей; естественно они полюбили другъ друга и передъ толпой оказывали другъ другу взаимную предупредительность, но въ сущности для Іисуса вліяніе Іоанна было вреднымъ. Оно было остановкой въ его

---

[1]) См. прим. на стр. 15.

развитіи; все заставляетъ предполагать, что въ то время, какъ онъ спустился къ Іордану, идеи его были высшими, чѣмъ идеи Іоанна, и что, склоняясь одно время къ крещенію, Онъ этимъ сдѣлалъ какъ бы нѣкоторую уступку Іоанну [1]). Но во всякомъ случаѣ, когда Іисусъ вошелъ въ Іудею и вернулся изъ нея еще прежнимъ, только уже съ болѣе широкими и опредѣленными планами, общественнымъ дѣятелемъ, маленькая группа учениковъ, сопровождавшая Его къ Іоанну Крестителю, безъ сомнѣнія, увеличилась, и, можетъ-быть, даже нѣсколько учениковъ Іоанна присоединились къ ней.

Авторитетъ молодого Учителя съ каждымъ днемъ все выросталъ, и очень естественно, что чѣмъ болѣе вѣрили въ Него, тѣмъ болѣе и Самъ Онъ вѣрилъ въ Себя.

У Него появляются постоянные ученики — образуется кружокъ апостоловъ.

Одинъ домъ въ Капернаумѣ далъ Ему двухъ преданныхъ учениковъ. Это былъ домъ двухъ братьевъ, сыновей нѣкоего Іоны, который, вѣроятно, уже умеръ къ тому времени, когда Іисусъ поселился на берегахъ озера. Эти два брата были Симеонъ, прозванный Кифой, или Петромъ, и Андрей. Іисусъ, Который любилъ *играть словами*, говорилъ иногда, что Онъ сдѣлаетъ ихъ „ловцами человѣковъ“. Дѣйствительно, изъ всѣхъ учениковъ это были самые преданные.

Впрочемъ, вся Галилея должна была привѣтливо отнестись къ слову Учителя.

„Эти добрые галилеяне никогда не слыхали рѣчи, столь подходящей къ ихъ *веселому* воображенію“. „Ве-

[1]) Ренанъ позабылъ заглянуть въ Евангеліе.—Пришелъ Іисусъ къ Іоанну креститься отъ него, Іоаннъ же препятствовалъ Ему... Но Іисусъ сказалъ: Оставь. Такъ надлежитъ... (Мѳ. III, 14).

село и нѣжно смотрѣли они на жизнь", и потому „довѣрчиво приняли идею о царствіи Божіемъ".

„Три или четыре преданныя галилеянки, *всегда* сопровождали *молодого Учителя* и оспаривали одна у другой *удовольствіе* Его слушать и поочередно за Нимъ ухаживать".

Позднѣе Петра и Іоанна присоединились къ Іисусу два сына Заведеевыхъ.

Іисусъ „*остроумно* прозвалъ ихъ *сынами грома* по причинѣ ихъ чрезмѣрной ревности, которая, если бы могла распоряжаться громомъ, слишкомъ часто употребляла бы его въ дѣло". Что касается Петра, то Іисусъ тоже *иногда не могъ удержаться отъ улыбки, глядя на его рѣшительные пріемы.*

Женщины принимали Его съ особеннымъ усердіемъ. У Него было относительно ихъ *вольное*, но скромное обращеніе, которое дѣлаетъ возможнымъ пріятное единеніе мыслей между двумя полами.

Нѣкоторые были богаты и своими средствами давали возможность молодому Пророку жить, не занимаясь ремесломъ, которымъ Онъ занимался до тѣхъ поръ.

Чтобы привлечь новыхъ учениковъ, Іисусъ иногда употреблялъ *невинную* хитрость. Онъ дѣлалъ видъ, что знаетъ что-либо интимное про того, кого хотѣлъ расположить къ Себѣ, или напоминалъ ему какое-либо обстоятельство, дорогое его сердцу [1]). Вотъ какимъ образомъ Онъ тронулъ Нафанаила, Петра и самарянку. Скрывая истинную причину Своей силы, т.-е. Свое превосходство надъ всѣми окружающими, Онъ позволялъ думать, въ угоду идеямъ того времени, которыя къ тому же Онъ и Самъ вполнѣ раздѣлялъ, что откровеніе свыше откры-

[1]) Это уже не невинная хитрость, а ложь.

вало Ему тайны и покоряло сердца. Всѣ думали, что Онъ живетъ въ сферѣ, превосходящей человѣческую. Говорили, что Онъ бесѣдовалъ на горахъ съ Моисеемъ и Иліей; вѣрили, что въ минуты уединенія ангелы приходили служить Ему и устанавливали сверхъестественныя сношенія между Нимъ и небомъ.

Такимъ образомъ Іисусъ при началѣ Своей проповѣди былъ окруженъ „кучкой людей простыхъ, до крайности невѣжественныхъ“; они были „слабоумны и вѣрили въ существованіе духовъ и привидѣній“. Никакое начало эллинской образованности не „проникло“ до нихъ; въ нихъ не было даже „образованія іудейскаго“.

Въ замѣнъ образованности у первыхъ учениковъ Іисуса „было много сердца (чувства) и доброй воли“. И счастливо жилъ Учитель-Женихъ съ Своей свитой. „Въ благодатномъ климатѣ Галилеи жизнь этихъ честныхъ рыбаковъ протекала какъ вѣчно-очаровательный сонъ“.

Нельзя себѣ вообразить все упоеніе такой жизни, протекающей подъ открытымъ небомъ; сладостную и животворную теплоту, порождаемую этимъ всегдашнимъ соприкосновеніемъ съ природой; сновидѣнія, навѣваемыя этими ночами при блескѣ звѣздъ, подъ лазурнымъ сводомъ необъятной глубины“.

„Вѣрный кружокъ поживалъ, *веселясь* и *кочуя*, собирая первые цвѣтки вдохновенія Учителя. Иногда возникало новое (простодушное) сомнѣніе, слышался слегка скептическій вопросъ: Іисусъ одной *улыбкой* или однимъ взглядомъ заставлялъ молчать возражающихъ“. „Ученики Его *часто бывало* угощали Его съ деревенской пышностью, при чемъ одежда ихъ отвѣчала за ковры. Они убирали ею возившую Его мулицу или разстилали ее по Его пути“.

Онъ покровительствовалъ тѣмъ, кто оказывалъ Ему почетъ. Женщины и дѣти обожали Его.

Они устраивали маленькія торжества, которыя были Ему пріятны, называли Его „сыномъ Давидовымъ“, восклицая: „Осанна“, и нося пальмовыя вѣтки вокругъ. Іисусъ радъ былъ видѣть этихъ молодыхъ апостоловъ, которые, не подвергая Его непріятностямъ, забѣгали впередъ и давали названія, *которыхъ Онъ Самъ не осмѣливался присваивать. Онъ позволялъ это, а когда спрашивали, слышитъ ли Онъ ихъ, то отвѣчалъ уклончиво, что похвала изъ юныхъ устъ—самая пріятная Богу.*

Іисусъ былъ далекъ отъ притворства или суровости. Онъ не избѣгалъ веселья и охотно шелъ на свадьбы. Одно изъ его чудесъ было сдѣлано ради того, чтобы доставить удовольствіе на бракѣ въ маленькомъ городкѣ.

И среди обстановки Іисусъ задумалъ своего рода религіозную революцію. Переворотъ, который Онъ хотѣлъ произвести, былъ переворотъ моральный, но онъ еще не пришелъ къ тому, чтобы для осуществленія его полагаться на ангеловъ и послѣднюю трубу.

Онъ основалъ именно царствіе Божіе,—царство духа, и если теперь, на лонѣ Своего Отца, Іисусъ видитъ плоды Своего дѣла въ исторіи, то Онъ поистинѣ можетъ сказать: „Вотъ, что Я хотѣлъ“.

Хотя наши принципы позитивной науки не мирятся съ мечтами, проповѣдуемыми Іисусомъ, хотя мы знаемъ исторію земли, знаемъ, что перевороты въ родѣ тѣхъ, которые ожидались Іисусомъ, могутъ происходить лишь отъ геологическихъ и астрономическихъ причинъ и не имѣютъ никакой связи съ моральными благами, но, чтобы быть справедливымъ относительно великихъ реформаторовъ, не надо останавливаться на предразсудкахъ, которые они могли раздѣлять.

Въ Евангеліи мы видимъ лишь прекрасныя нравственныя правила и набрасываемъ скромное покрывало на *странное умственное состояніе, которое его породило.*

Будемъ же восхищаться моралью Евангелія, вычеркнемъ изъ нашего религіознаго обученія химеру, составляющую ея основу, но не будемъ заблуждаться, что однѣми лишь простыми идеями о счастьѣ и объ индивидуальномъ совершенствованіи можно двигать міромъ.

Правда, иногда Учитель, болѣе свѣдущій въ дѣлахъ небесныхъ, чѣмъ земныхъ, обучалъ еще болѣе странной политической экономіи. Въ „чудовищной" притчѣ одинъ управитель восхваляется за то, что пріобрѣлъ себѣ друзей *между бѣдными* на счетъ добра своего господина, ради того, чтобы бѣдные, въ свою очередь, ввели его въ царствіе небесное [1]).

Правда также, что, освобождая человѣка отъ того, что Онъ называлъ „заботами міра сего", Іисусъ могъ дойти до крайностей и нанести ударъ самымъ существеннымъ условіямъ человѣческаго общества; но Онъ положилъ начало высокому спиритуализму, который въ продолженіе вѣковъ наполнялъ души радостью въ этой юдоли плача.

Кромѣ того, огромной Его заслугой всегда будетъ то, что Онъ провозгласилъ царство бѣдныхъ. Іисусъ понялъ очень скоро, что официальный міръ того времени не поддается проповѣди Его о царствіи Божіемъ. Тогда Онъ принялъ рѣшеніе замѣчательно смѣлое. Оставляя въ сторонѣ весь этотъ міръ, съ сухимъ сердцемъ и

---

[1]) Притча о домоправителѣ, конечно, не можетъ нравиться „буржуа". Мысль ея (XVI гл. Луки) такая: всякое богатство — „мамона неправды", пріобрѣтено неправдой, — отсюда благотворительность — ложь, раздача чужого, но можетъ все же имѣть относительную, компромиссную цѣну.

узкими предразсудками, Онъ обратился къ простымъ людямъ. Смѣна однихъ людей другими будетъ имѣть мѣсто. Царствіе Божіе предназначено, во-первыхъ, для дѣтей и имъ подобныхъ, во-вторыхъ, для отверженныхъ сего міра, жертвъ человѣческой гордыни, отталкивающей человѣка робкаго, въ-третьихъ, для еретиковъ, отступниковъ, мытарей, самарянъ и язычниковъ изъ Тира и Сидона. Одна изъ выразительныхъ притчъ объясняла этотъ призывъ къ народу и его узаконяла. Царь устроилъ свадебный пиръ и послалъ своихъ слугъ созвать званыхъ. Но каждый отговаривался; нѣкоторые же оскорбляли посланныхъ. Тогда царь принялъ великое рѣшеніе. Званые не захотѣли прійти на его зовъ, такъ Онъ пошлетъ на дороги распутья собрать всѣхъ, кто попадется,— бѣдныхъ, нищихъ, хромыхъ,—чтобы наполнился домъ: „увѣряю васъ,— сказалъ царь,—что никто изъ тѣхъ званыхъ не вкуситъ отъ моего стола“.

Итакъ, доктриной Іисуса дѣлался чистѣйшій эбіонизмъ, т.-е. ученіе, что только бѣдные будутъ спасены, что наступаетъ царство бѣдныхъ.

„Горе вамъ,—говорилъ Онъ,—ибо вы уже получили свое утѣшеніе. Горе вамъ, пресыщенные нынѣ, ибо вы взалчете. Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ, ибо восплачете и возрыдаете“.

„Горе вамъ, презирающимъ хижины и наслѣдіе вашихъ отцовъ. Горе вамъ, строющимъ свои дворцы потомъ другихъ людей. Каждый камень, каждый кирпичъ, находящійся въ этихъ постройкахъ, есть уже грѣхъ“. Слово „бѣдный“ (эбіонъ) сдѣлалось синонимомъ слова: „святой“, или „другъ Бога“. Этимъ-то названіемъ галилейскіе ученики Іисуса болѣе всего любили называть себя; и долго оно было названіемъ іудействующихъ христіанъ изъ Батаніи и Хорана (назареянъ, евреевъ,

оставшихся вѣрными языку и первоначальнымъ поученіямъ Іисуса и хвалившихся тѣмъ, что между ними имѣются потомки Его родственниковъ).

Къ сожалѣнію, нетрудно видѣть, однако, *что эта преувеличенная любовь къ бѣдности не могла быть продолжительной. Она была одной изъ тѣхъ утопій, которыя всегда примѣшиваются къ великимъ новымъ ученіямъ и которыя затѣмъ не оправдываются временемъ.*

Сколько времени продолжалась эта иллюзія,—этого мы не знаемъ. Въ продолженіе этого таинственнаго явленія никто не измѣрялъ времени, какъ не измѣряютъ времени сновидѣнія.

Погубилъ и эту идиллію и Іисуса Іерусалимъ.

Іисусъ почти ежегодно ходилъ въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи. Подробности каждаго изъ этихъ путешествій мало извѣстны, такъ какъ синоптики объ этомъ ничего не говорятъ, а замѣтки четвертаго Евангелія очень смутны. Однако несомнѣнно, что первое поломничество въ святой городъ Іисуса-Учителя-Пророка вызвало кризисъ въ его міровоззрѣніи.

Маленькая галилейская община чувствовала себя здѣсь не на своемъ мѣстѣ. Іерусалимъ въ то время былъ почти тѣмъ же, что онъ есть и теперь: городомъ педантизма, язвительныхъ распрей, и религіозныя смуты весьма часты.

Іисусъ, Который прощалъ все, *лишь бы Его любили,* чувствовалъ Себя затерянным въ толпѣ; Его бѣдные галилеяне, группируясь вокругъ Него, не производили впечатлѣнія.

И онъ не полюбилъ Іерусалима.

Нечестивое и небрежное обращеніе съ священными предметами оскорбляло религіозное чувство Іисуса, иногда доходящее до крайностей.

Однако еще раньше Своего послѣдняго пребыванія въ Іерусалимѣ, самаго продолжительнаго изъ всѣхъ и окончившагося Его смертью, Іисусъ пробовалъ заставить Себя слушать. Онъ началъ проповѣдывать, и объ Немъ заговорили; разсказывали о различныхъ Его дѣлахъ, въ которыхъ видѣли чудеса.

Однако Онъ почувствовалъ, что Ему нечего ждать отъ Іерусалима. Изъ пребыванія въ Іерусалимѣ Іисусъ вынесъ мысль, которая съ тѣхъ поръ глубоко въ Него запала, а именно, что съ древнимъ культомъ іудейскимъ соглашеніе невозможно, уничтоженіе жертвоприношеній, которыя Онъ находилъ столь отталкивающими, упраздненіе почестиваго и высокомѣрнаго духовенства и въ общемъ отмѣна закона казались ему абсолютно необходимыми. Начиная съ этого момента, Іисусъ уже болѣе не реформаторъ іудейскій, Онъ становится разрушителемъ іудаизма [1]).

Другими словами, Іисусъ уже болѣе не іудей. Онъ въ высшей степени революціонеръ; Онъ призываетъ всѣхъ людей къ культу, основанному единственно на званіи дѣтей Божіихъ. Онъ провозглашаетъ права человѣка, а не религію іудея, освобожденіе человѣка, а не освобожденіе іудея.

Начинается періодъ нравоучительной проповѣди, замѣнившій періодъ афоризмовъ, и эта проповѣдь приво-

---

[1]) Передъ самымъ концомъ жизни Іисусъ Христосъ говоритъ (Мѳ. XXIII, 3): „Все, что велятъ вамъ соблюдать книжники и фарисеи, соблюдайте и дѣлайте, только по дѣламъ ихъ не поступайте.

Вы оставили милость и вѣру—и даете десятину съ мяты и аниса „сіе надлежало дѣлать и онаго не оставлять".

...храмъ святъ... жертвенникъ святъ и освящаетъ... (—23, 18, 19).

дитъ Іисуса къ окончательному рѣшенію о Его миссіи. Законъ будетъ уничтоженъ, и именно Онъ уничтожитъ его. *Мессія пришелъ, и Онъ именно этотъ Мессія.* Царствіе Божіе скоро наступитъ и черезъ него произойдетъ Его пришествіе.

Отсюда начинается рядъ компромиссовъ, переходящихъ въ манію обоготворенія себя.

Названіе „сынъ Давидовъ“ было первымъ, которое Онъ принялъ, не будучи, повидимому, сообщникомъ невиннаго обмана, посредствомъ котораго старались это названіе за Нимъ обезпечить.

Существовало всеобщее ожиданіе, что Мессія будетъ сыномъ Давида и родится въ Виолеемѣ. Но первоначально Іисусъ не вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе. Воспоминанія о Давидѣ, такъ занимавшія множество іудеевъ, не имѣли ничего общаго съ Его небеснымъ царствомъ. Онъ считалъ Себя Сыномъ Бога, но не сыномъ Давида. Его царство и обновленіе міра, которое Онъ задумалъ, были совсѣмъ другого рода.

Здѣсь такъ же, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ Своей жизни, Іисусъ преклонился предъ идеями Своего времени, хотя въ сущности не былъ съ ними согласенъ.

Никогда Самъ Себя онъ не называлъ сыномъ Давида. Его ученики, просвѣщенные менѣе, чѣмъ онъ, преувеличивали иногда то, что Онъ говорилъ о Себѣ, и чаще всего Онъ совсѣмъ не зналъ объ ихъ преувеличеніяхъ.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Іисусъ никогда не думалъ выдавать Себя за воплощеніе Бога. Подобная мысль была совершенно чуждой еврейскому уму; въ трехъ первыхъ евангеліяхъ не имѣется никакихъ слѣдовъ этой идеи; ее можно найти лишь въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ евангелія Іоанна, которыя не могутъ быть сочтены отголоскомъ мыслей Іисуса [1]).

Но въ чудеса Свои Іисусъ вѣрилъ, и это очень понятно. Почти всѣ чудеса, которыя Самъ Іисусъ Христосъ считалъ имъ сдѣланными [2]), были чудеса исцѣленія. Въ Іудеи въ ту эпоху медицина была приблизительно тѣмъ же, что она есть и теперь на Востокѣ, то-есть совсѣмъ не научной, а предоставленной вдохновенію каждаго.

Кто можетъ утверждать, что во многихъ случаяхъ, за исключеніемъ, разумѣется, вполнѣ характерныхъ поврежденій, соприкосновеніе съ *изящной особой* не имѣетъ больше силы, чѣмъ всѣ пособія аптеки. Удовольствіе видѣть подобную личность уже исцѣляетъ. Она даетъ, что можетъ—улыбку, надежду—и даетъ не напрасно.

Проповѣдь Іисуса во второй періодъ была той же проповѣдью царствія Божія, только въ новой формѣ. Основной идеей Іисуса съ перваго же дня было учрежденіе царствія Божія. Но это царствіе Божіе, какъ мы уже говорили, понималось Іисусомъ весьма различно. Иногда Онъ могъ казаться демократическимъ вождемъ, желающимъ просто царства бѣднымъ и отверженнымъ. Въ другихъ случаяхъ царствіе Божіе—буквальнымъ воплощеніемъ видѣній Даніила и Эноха. Наконецъ чаще всего царство Божіе—это царствіе духа, и ожидаемое освобожденіе—это освобожденіе духа. И тогда перево-

---

[1]) А евангеліе Матѳея, напр., XXVII глава, гдѣ Господь на вопросъ: „Сынъ ли Онъ Божій?“—отвѣчаетъ „Да!“ и прибавляетъ, что отнынѣ Его увидятъ на облакахъ небесныхъ по правую сторону Силъ (Саваоѳа)... И первосвященники поняли: „Онъ богохульствуетъ“, Онъ повиненъ смерти, потому что называетъ Себя Богомъ (Марка XII, 37).

[2]) А исцѣленіе „слѣпорожденнаго“, слѣпыхъ, сухорукаго, укрощеніе бури?

ротъ, котораго желалъ Іисусъ, былъ именно тѣмъ переворотомъ, который осуществился на дѣлѣ, то-есть былъ учрежденіемъ новаго культа, болѣе чистаго, чѣмъ культъ Моисея. Всѣ эти мысли почти одновременно являются въ сознаніи Іисуса.

У Него не было ни малѣйшаго честолюбія. Лишь изрѣдка, вслѣдствіе Своего естественнаго теченія, Его великое религіозное дѣло какъ будто готово было превратиться въ общественное дѣло. Нѣкоторые просили его даже провозгласить Себя судьей и посредникомъ въ вопросахъ прибыли. Но Іисусъ всегда гордо отклонялъ эти предложенія, считая ихъ какъ бы оскорбленіемъ для Себя. Проникнутый Своимъ небеснымъ идеаломъ Онъ относился къ бѣдности съ оттѣнкомъ пренебреженія.

Такимъ образомъ царствіе Божіе есть не что иное, какъ добро, лучшій порядокъ вещей, чѣмъ нынѣ существующій, и воцареніе справедливости, которыя каждый вѣрующій, по мѣрѣ силъ, долженъ стараться водворить, или же оно есть свобода духа, что-то похожее на буддійское „освобожденіе“, плодъ самоотреченія. Раздѣляя общую всѣмъ великимъ реформаторамъ иллюзію, Іисусъ представилъ себѣ достиженіе цѣли несравненно болѣе близкимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности; не отдавая себѣ отчета въ медленности поступательнаго движенія человѣчества, Онъ думалъ въ одинъ день осуществить то, что въ продолженіе XVIII столѣтій еще не осуществлено окончательно. Но истинное царствіе Божіе, царство духа, которое каждаго дѣлаетъ и царемъ и священникомъ, царство, которое, какъ зерно горчичное, сдѣлалось древомъ, дающимъ тѣнь всему міру, и подъ вѣтвями котораго птицы свиваютъ гнѣзда,—это царство Іисусъ понялъ, желалъ и основалъ.

Усвоивъ утопіи Своего времени и Своей расы, Іисусъ сумѣлъ сдѣлать ихъ великими истинами. Царствіе Божіе понималось имъ, безъ сомнѣнія, какъ событіе, долженствующее въ скоромъ времени появиться на небесахъ. Но оно же понималось Имъ преимущественно какъ царство духа, какъ появленіе свободнаго, сыновняго чувства, которое добродѣтельный человѣкъ будетъ ощущать на лонѣ своего отца.

Не будемъ, однако, строги къ химерѣ Іисуса—о близости царства, бывшей лишь грубой оболочкой священнаго ядра, которымъ мы живемъ. Фантастическое царствіе Божіе, безконечное исканіе града Божія, надъ которымъ вѣчно задумывалось христіанство на своемъ долгомъ жизненномъ пути, были великимъ и инстинктивнымъ стремленіемъ къ будущему состоянію человѣческаго общества, воодушевлявшихъ всѣхъ реформаторовъ, всѣхъ упорныхъ послѣдователей апокалипсиса, иначе—съ Іоакима Флора до протестанта нашихъ дней.

Въ сущности это—химера и прожила она недолго. Когда въ концѣ цѣлаго столѣтія напрасныхъ ожиданій, матеріалистическая надежда на близкій конецъ міра изсякла, понятіе объ истинномъ царствіи Божіемъ выступило наружу. Появляются услужливыя объясненія, и набрасывается покровъ на реальное царство, не желающее проходить. Нѣсколько запоздалыхъ бѣдняковъ, еще сохраняющихъ надежду первыхъ учениковъ, становятся еретиками (эбіонитами, тысячелѣтниками) и теряются въ подонкахъ христіанства. Человѣчество же переходитъ къ другому понятію о царствіи Божіемъ. Часть истины, заключающаяся въ мысли Іисуса, восторжествовала надъ химерой, затемнявшей эту мысль.

Къ *несчастію только* эта химера, вырастая и осложняясь, измѣнила Іисуса: создала опасный энтузіазмъ по-

слѣдняго періода. Влекомый этимъ ужаснымъ возрастаніемъ энтузіазма, вынужденный необходимостію проповѣди все болѣе и болѣе восторженной, Онъ уже не былъ тогда свободенъ; Онъ всецѣло принадлежалъ своему призванію и въ нѣкоторомъ смыслѣ—человѣчеству. Иногда подвергался Онъ состояніямъ экстаза; порою испытывалъ тоску, внутреннія стѣсненія и сердечныя тревоги.

Великое видѣніе царства Божія, непрестанно пламенѣя передъ взоромъ Его, повергало Его въ экстазъ. Иногда ученики думали, что Онъ вышелъ изъ Себя, а враги утверждали, что Онъ бѣснуется. Его впечатлительный и пылкій темпераментъ (?) ежеминутно увлекалъ Его за предѣлы человѣческой природы. Его дѣло становится теперь дѣломъ „вѣры“ и увлеченія... Повелительный, суровый, Онъ не терпитъ никакого возраженія. Надо обратиться къ Нему—вотъ чего только Онъ ждетъ. Его прежняя и врожденная кротость, казалось, покинула Его; Онъ былъ иногда суровъ и взыскателенъ. Въ припадкѣ строгости Онъ доходилъ до того, что отрицалъ плоть и хотѣлъ, чтобы любили Его одного. Его ученики по временамъ не понимали Его и испытывали даже какой-то страхъ. Иногда это настроеніе доводило Его до поступковъ странныхъ и необъяснимыхъ (изсушеніе смоковницы). Не то, чтобы Его добродѣтель понизилась; но Его борьба во имя идеала противъ дѣйствительности становилась неудержимою. Онъ скорбѣлъ и возмущался при соприкосновеніи съ землею. Препятствія гнѣвали Его. Его понятіе о Сынѣ Божіемъ затемнялось (?) и впадало въ крайность (??). Роковой законъ, который осуждаетъ идею на пониженіе, какъ только она осуществляется у людей, нашелъ тутъ свое примѣненіе [1]). Прикасаясь къ Нему, люди пони-

[1]) Откуда все это?

жали Его до своего уровня. Тонъ, какой Онъ принялъ, нельзя было выдерживать болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Настало время разрѣшить смертію это крайне напряженное положеніе, отклонить Его отъ невозможнаго пути безъ выхода и, освобождая его отъ слишкомъ продолжительнаго испытанія, отнынѣ ввести безгрѣшнымъ въ его небесную свѣтлость.

Іисусъ начинаетъ воспрещать собственность и бракъ; Онъ одобряетъ тѣхъ, которые увѣчатъ себя ради царствія небеснаго (?). Онъ проповѣдуетъ борьбу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ становится опаснымъ въ отношеніи гражданскаго порядка. *Всякій судья кажется ему врагомъ людей Божіихъ; онъ предсказываетъ Своимъ ученикамъ столкновеніе съ полиціей,* не подумавъ, что тутъ было бы *о чемъ краснѣть.*

Вмѣстѣ съ этимъ близился и конецъ его жизни. Въ продолженіе перваго періода своей дѣятельности Іисусъ, кажется, не встрѣтилъ серьезной опасности. Его проповѣдь, благодаря чрезмѣрной свободѣ, царившей въ Галилеѣ между проповѣдниками, появлявшимися со всѣхъ сторонъ, была извѣстна лишь довольно ограниченному кружку людей.

Но даже и тогда не во всѣхъ городахъ Галилеи новое ученіе было одинаково благосклонно принято. Не только недовѣрчивый Назаретъ упорно отталкивалъ Того, Кто впослѣдствіи сдѣлался его славой; не только братья Его продолжали не вѣрить въ Него; даже пріозерные города, въ общемъ благосклонные къ Нему, не всѣ были обращены.

Теперь нелюбовь къ Іисусу растетъ, становится опасной, и Онъ Самъ умножаетъ эту опасность.

Скитальческая жизнь Іисуса, вначалѣ казавшаяся ему полной прелести, начинала, наконецъ, тяготить его.

Онъ сталъ раздражителенъ и открыто вызывалъ на борьбу фарисеевъ и сильныхъ Іерусалима. И ранѣе Онъ ясно показываетъ фарисеямъ, что своими преданіями они совсѣмъ измѣнили Моисеевъ законъ, что они—враги истинной вѣры. Теперь Онъ говоритъ о нихъ съ неудержимымъ фанатизмомъ, даже изступленіемъ.

Ненависть, которую не могло удовлетворить ничто другое, какъ только смерть, была послѣдствіемъ этой борьбы.

Наступала послѣдняя Пасха.

На праздникъ же Кущей 34-го года (согласно принятой нами гипотезѣ) родственники Его, недоброжелательные къ Нему и невѣрующіе попрежнему, предлагали Ему итти въ Іерусалимъ.

Іисусъ провелъ осень и часть зимы въ Іерусалимѣ. Это время года бываетъ тамъ довольно холоднымъ.

Послѣ этого Іисусъ предпринялъ путешествіе въ Пирею и на берега Іордана, т.-е. въ тѣ страны, которыя Онъ посѣщалъ нѣсколько лѣтъ назадъ, когда слѣдовалъ за школой Іоанна и когда Самъ крестилъ другихъ. Онъ встрѣтилъ здѣсь, какъ кажется, благосклонный пріемъ, въ особенности въ Іерихонѣ. Въ этомъ городѣ, потому ли, что онъ лежалъ на одной изъ главныхъ дорогъ, или по причинѣ своихъ благоухающихъ садовъ и богатой культуры растеній, была довольно значительная таможенная станція. Главный сборщикъ податей, Закхей, человѣкъ богатый, захотѣлъ видѣть Іисуса. Будучи малъ ростомъ, онъ взлѣзъ на смоковницу, росшую у дороги, по которой долженъ былъ проходить Іисусъ и бывшіе съ Нимъ. Іисусъ былъ тронутъ такой наивностью человѣка почтеннаго.

При выходѣ изъ города, нищій Вартимей доставилъ Ему *большое удовольствіе,* упорно называя Его „сыномъ

Давидовымъ", несмотря на то, что ему не разъ повторяли приказаніе замолчать.

Потомъ Іисусъ вернулся въ Іерусалимъ къ празднику Пасхи.

Опустимъ подробности и пойдемъ къ концу.

Вражда фарисеевъ росла.

Особенно возбудило вражду событіе въ Виѳаніи, гдѣ „случилось что-то такое, что приняли за воскрешеніе". Воскресеніе Лазаря не вполнѣ легенда.

„Виѳанское семейство могло быть вовлечено, *само того не подозрѣвая,* въ участіе въ *желаемомъ* дѣлѣ. *По-видимому,* Лазарь былъ боленъ. Радость о приходѣ Іисуса могла *возвратить Лазарю жизнь.* Можетъ-быть, также горячее желаніе зажать ротъ тѣмъ, которые обидно отвергали божественное посланничество ихъ Друга, завлекло этихъ *странныхъ* особъ за предѣлы умѣренности. Можетъ-быть, Лазарь, еще блѣдный отъ болѣзни, велѣлъ обвить себя обвязками, *какъ покойника и положить въ своей семейной гробницѣ.* Іисусъ, подведенный къ гробницѣ Лазаря, *думалъ,* что другъ Его *умеръ* [1]).

Волненіе, Имъ овладѣвшее, могло быть принято за то тревожное состояніе, которымъ сопровождалось чудотвореніе. *Въ такомъ предположеніи* Іисусъ захотѣлъ еще разъ посмотрѣть на того, кого Онъ такъ любилъ, и когда отвалили камень отъ гробницы, Лазарь вышелъ въ обвязкахъ, какъ покойникъ. Это его *появленіе* долженствовало естественно быть принятымъ *за воскресеніе.*

„Лазарь и обѣ его сестры находились подъ обаяніемъ, въ галлюцинаціи; изъ этого понятно, почему совѣсть

---

[1]) Слова сестры покойника: „Четыре дня какъ умеръ — и уже разлагается" (смердитъ) (Іоан. XI, 39).

дозволяла имъ притворныя дѣйствія; а Іисусъ на то поддался потому, что не могъ поступить иначе и принять участіе въ обманѣ.

Воскресеніе Лазаря надѣлало столько шуму, что „люди, бывшіе тому очевидцами, разошлись по городу и много о немъ говорили“.

Ученики разсказали это событіе съ подробностями обстановки, разсчитанными на случай спора.

Все это, а затѣмъ дерзость провинціаловъ у воротъ Іерусалима, празднующихъ входъ своего Царя-Мессіи, окончательно вывели изъ терпѣнія фарисеевъ и высшее духовенство. Новый совѣтъ собрался въ среду (12 изама) у Іосифа Каіафы. Рѣшено было немедленно арестовать Іисуса, и были приняты мѣры къ сохраненію порядка и благочестія.

И вотъ Онъ въ Геѳсиманскомъ саду.

...Іисусъ отошелъ на небольшое разстояніе отъ Своихъ уснувшихъ учениковъ, взявъ съ Собой только Кифу и двухъ сыновъ Заведея, и молился, павъ лицомъ на землю. Душа Его скорбѣла смертельно, и страшная борьба происходила въ Немъ, но подчиненіе волѣ Божіей превозмогло. Человѣческая природа проснулась на мгновеніе. Можетъ-быть, Онъ уже началъ сомнѣваться въ Своемъ дѣлѣ. Имъ овладѣли ужасъ и раздумье и довели до томленія, худшаго, чѣмъ смерть. Человѣкъ, принесшій въ жертву великой идеѣ свое спокойствіе и законныя радости жизни, всегда испытываетъ печальныя минуты сожалѣнія, когда картина смерти въ первый разъ предстанетъ предъ нимъ и покажетъ тщету всего. Очень возможно, что нѣкоторыя трогательныя воспоминанія, сохраняющіяся у самыхъ сильныхъ душъ и временами пронзающія ихъ какъ мечомъ, пришли Ему на

умъ въ эту минуту. *Вспоминались ли Ему свѣтлые источники Галилеи, гдѣ бы Онъ могъ освѣжиться; виноградные кусты или смоковницы, подъ которыми могъ бы сѣсть для отдыха; молодыя дѣвушки, которыя, можетъ-быть, согласились бы Его полюбить.* Проклиналъ ли Онъ Свою суровую судьбу, которая отнимала отъ Него всѣ радости, дозволенныя другимъ; скорбѣлъ ли о томъ, что, родившись со слишкомъ воздушной душой, сталъ жертвой Своего влеченія, и плакалъ ли, что не остался простымъ плотникомъ изъ Назарета,—этого мы не знаемъ. Вся Его внутренняя борьба, очевидно, осталась покрытой мракомъ неизвѣстности для Его учениковъ. Они ничего не поняли и дополнили наивными предположеніями то, что Его божественная природа одержала верхъ. Онъ могъ еще избѣжать смерти, но этого не захотѣлъ. Любовь къ Своему дѣлу влекла Его. Онъ предпочелъ испить чашу до дна.

„Въ это время вдругъ появились вооруженные воины съ факелами. Это была стража при храмѣ, вооруженная кольями, нѣчто въ родѣ отряда полиціи, предоставленнаго въ распоряженіе священниковъ; въ подкрѣпленіе имъ данъ былъ отрядъ римскихъ воиновъ съ мечами; приказъ объ арестѣ исходилъ отъ первосвященника и синедріона. Іуда, зная привычки Учителя, указалъ на мѣсто, гдѣ легче всего было напасть врасплохъ на Іисуса. По единогласному преданію первыхъ временъ, Іуда самъ сопровождалъ отрядъ и даже, какъ разсказываютъ нѣкоторые, онъ довелъ предательство до того, что поцѣловалъ Іисуса, что было условнымъ знакомъ, что послѣдній есть то самое лицо, которое надо взять.

Послѣ скитанія отъ Анны къ Каіафѣ Іисуса привели на судъ Пилата.

Пилатъ желалъ спасти Іисуса. Можетъ-быть, на него произвела впечатлѣніе полная достоинства и спокойствія осанка обвиняемаго. Согласно одному преданію, Іисусъ нашелъ поддержку въ собственной женѣ прокуратора. *Послѣдняя могла видѣть нѣжнаго Галилеянина изъ дворцовыхъ оконъ, выходящихъ на одинъ изъ дворовъ храма. Очень можетъ быть, что она затѣмъ видѣла во снѣ*, что собираются пролить кровь этого прекраснаго молодого человѣка.

Но спасти Іисуса не удалось.

Священники, принимая все болѣе требовательный тонъ, увѣряли, что закону угрожаетъ опасность, если Бунтовщикъ не будетъ наказанъ смертью. Пилатъ ясно увидѣлъ, что если онъ освободитъ Іисуса, то произойдетъ кровопролитная схватка. И слабый Пилатъ не выдержалъ; онъ какъ бы заранѣе читалъ донесеніе, которое его враги пошлютъ въ Римъ, гдѣ его будутъ обвинять въ поддержкѣ соперника Тиверія.

Іисусъ былъ осужденъ.

И вотъ Онъ на крестѣ.

Ученики Іисуса разбѣжались. Но вѣрныя подруги Его изъ Галилеи, послѣдовавшія за Нимъ въ Іерусалимъ и продолжавшія оказывать Ему услуги, не покидали Его. Марія Клеопова, Марія Магдалина, Іоанна, жена Хузы, и другія стояли издали и не теряли Его изъ виду.

Кромѣ этой небольшой группы женщинъ, которыя издали утѣшали Его своими взглядами, Іисусъ имѣлъ передъ собой лишь зрѣлище человѣческой низости и глупости".

„Небо потемнѣло, ночь какъ во всѣхъ окрестностяхъ Іерусалима, была суха и угрюма. По нѣкоторымъ разсказамъ, была минута, когда духъ Іисуса ослабѣлъ; лицо Отца Его скрылось въ облакѣ, и наступило отчаяніе, болѣе

тягостное, чѣмъ всѣ мученія. Передъ Нимъ представлена неблагодарность людская, и, можетъ-быть, сожалѣя, что принесъ Себя въ жертву ничтожной расѣ, Онъ воскликнулъ: „Боже Мой, Боже Мой, зачѣмъ Ты Меня оставилъ!“

Нѣжное сложеніе Іисуса предохранило Его отъ медленной агоніи. Все заставляетъ предполагать, что обморокъ или мгновенный разрывъ одного изъ сердечныхъ сосудовъ причинилъ Ему, черезъ три часа, внезапную смерть. За нѣсколько минутъ передъ смертью у Него еще былъ громкій голосъ. Вдругъ Онъ испустилъ ужасный крикъ: „Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой“. Другіе же, болѣе запятые исполненіемъ пророчествъ, услышали слово: „Совершилось“. Послѣ того голова Его поникла на грудь, и Онъ скончался.

Ты скончался... но Ты не умеръ, Учитель...

„Въ теченіе тысячелѣтій міръ будетъ обновленъ Твоимъ именемъ. Обличитель нашихъ противорѣчій, Ты будешь знаменемъ, вокругъ котораго произойдутъ самыя пламенныя битвы. Имя Твое, въ тысячу разъ болѣе могущественное и болѣе любимое послѣ Твоей смерти, чѣмъ во дни Твоего временнаго пребыванія на землѣ, будетъ для человѣчества краеугольнымъ камнемъ, исторгнуть который было бы равносильно потрясенію основъ вселенной. Между Тобой и Богомъ не будетъ различія. Вполнѣ побѣдивъ смерть, владѣй Своимъ царствомъ, куда послѣдуютъ за Тобою, по начертанному Тобою царственному пути, безсмѣнные ряды поклонниковъ“. Ты выше людей...

Да...

Эту возвышенную личность, которая и понынѣ ежедневно правитъ судьбами міра, да будетъ позволено на-

зывать божественной не въ томъ смыслѣ, что Іисусъ былъ существомъ божескимъ, но въ томъ, что Онъ заставилъ родъ человѣческій сдѣлать величайшіе шаги на пути къ блаженству. Человѣчество, въ своей совокупности, представляетъ собраніе существъ низменныхъ, эгоистичныхъ, превосходящихъ животныхъ только въ томъ отношеніи, что эгоизмъ ихъ болѣе обдуманный. Однако посреди этой однообразной вульгарности возвышаются къ небу столпы, свидѣтельствующіе о болѣе благородномъ назначеніи человѣка. Іисусъ есть самый высокій изъ этихъ столповъ, показывающій, откуда человѣкъ пришелъ и куда онъ долженъ стремиться. Въ Іисусѣ соединилось все, что есть лучшаго и возвышеннаго въ нашей природѣ. Онъ не былъ безгрѣшнымъ, Онъ побѣждалъ тѣ же страсти, противъ которыхъ боремся и мы; никакой ангелъ съ неба не подкрѣплялъ Его, кромѣ Его собственной совѣсти; никакой демонъ Его не искушалъ, кромѣ того, который имѣется въ сердцѣ каждаго человѣка. Точно такъ же, какъ многія изъ Его великихъ качествъ утрачены для насъ, вслѣдствіе извѣстнаго уровня знаній Его учениковъ, такъ, вѣроятно, и многіе изъ Его недостатковъ скрыты отъ насъ. Но никогда Онъ не ставилъ интересы Своего мелочного самолюбія выше интересовъ человѣчества; эти послѣдніе всегда преобладали въ Его жизни. Безусловно преданный Своей идеѣ, Онъ рѣшительно все подчинилъ ей до такой степени, что къ концу Своей жизни вселенная уже не существовала для Него.

Возродится ли когда-нибудь великая оригинальность личностей или же міръ, отнынѣ удовлетворенный, въ своемъ послѣдующемъ поприщѣ будетъ слѣдовать по тѣмъ же путямъ, которые проложены великими твердами древнихъ вѣковъ,—мы этого не знаемъ.

Но какъ бы непредвидѣнны ни были явленія будущаго, выше Іисуса никто не будетъ. Іисуса никто не превзойдетъ. Культъ Его будетъ обновляться и молодѣть вѣчно, надъ Его легендой будутъ проливаться слезы безъ конца, Его страданія всегда будутъ близки лучшимъ сердцамъ и во всѣ вѣка будутъ гласить, что между сынами человѣческими не рождалось никого, болѣе великаго.

Евангеліе мѣщанъ.

Я не хочу говорить о историчности Евангелія: моя тема двѣ психологіи Евангелія,—трагично ли Евангеліе или это благовѣстіе отдыхающихъ мѣщанъ — говоря словами Ренана, „довольныхъ Господомъ и самими собою“. *А. М.*

„Иное дѣло — улыбаться надъ легендою какого-нибудь миѳологическаго святого; иное дѣло — хранить въ себѣ впечатлѣніе этихъ страшныхъ тайнъ, которыя наводили печаль на столько душъ, притомъ лучшихъ душъ“. *Каро.*

Не подумайте, что эти строки продиктованы враждою къ книгѣ, сознаніемъ ея „опасности“, вредности.

Нѣтъ... Мы считаемъ книгу даже полезной, во всякомъ случаѣ не опасной.

Мы готовы цѣликомъ принять слова Гратри:

„Въ эти послѣдніе дни,— пишетъ онъ,— я замѣчаю трогательное явленіе. *Жизнь Іисуса*, это сплетеніе противорѣчій и ошибокъ, эта книга, наполненная оскорбленіями для Христа, содержитъ десять или двѣнадцать страницъ удивленія, преклоненія и почтенія передъ Его красотою. Въ этихъ строчкахъ свѣтятся передъ нами, хотя уменьшенныя и затертыя, нѣкоторыя черты Іисуса.

И вотъ что же? Вотъ я встрѣчаю многія души, которыя во всей книгѣ поняли и увидѣли только это одно. Божественное сіяніе чертъ Христа затмило для нихъ все остальное. На ихъ глаза тамъ вовсе нѣтъ этого остального. И, дѣйствительно, если нѣсколько этихъ чертъ суть истинныя черты Христа, то остальное не имѣетъ существенности. Умъ не принимаетъ и не переноситъ въ одно и то же время противоположностей. Раздѣленіе признаковъ совершается въ умѣ читателей болѣе ясно, чѣмъ оно совершается въ книгѣ. Одни видятъ и одобряютъ оскорбленія, другіе — удивленіе и благоговѣніе. Никто не понимаетъ того и другого вмѣстѣ".

Да, людей „мнимо православнаго" склада мыслей, въ сущности не вѣрующихъ во Христа и Церковь, поклонившихся и обожившихъ одну „оболочку" кору истины, данную въ религіозной формулѣ, не тронетъ сентиментальный Ренанъ.

Людей, вѣрующихъ во Единаго Истиннаго Человѣка, Бога Распятаго и Его Церковь, не затронетъ мелкая „мѣщанская" идеологія.

Со вниманіемъ остановятся на книгѣ люди, давно потерявшіе Христа, хотя, можетъ-быть, и тоскующіе по Его образѣ.

Они найдутъ здѣсь Христа уменьшеннаго, вмѣсто Бога, они найдутъ мягкосердечнаго и любвеобильнаго буржуа, но, можетъ-быть, даже и тотъ ликъ Христа, который кое-гдѣ, противъ воли Ренана, свѣтится между строками его книги, стертый отблескъ Его лика, возьметъ въ плѣнъ ихъ души.

Итакъ, я не профессіональный врагъ Ренана.

„Какъ бы то ни было, этотъ семинаристъ успѣлъ заставить Францію, а за нею весь образованный міръ, интересоваться предметами и вопросами, которые считались

почти сданными въ архивъ. Это составитъ для него вѣчную похвалу.

Я просто вступаюсь за богатство, которое хочетъ Ренанъ отнять „у нѣкоторыхъ“.

Святотатственно хотятъ отнять у людей единственную великую мысль и единственный великій образъ, и я протестую, какъ умѣю.

Книга имѣетъ большой успѣхъ... Конечно, конечно. Она не можетъ не имѣть его. Это Евангеліе спеціально для *мѣщанъ*, т.-е. для толпы, для массы, для всѣхъ.

Были не одинъ разъ попытки уничтожить „ликъ Христа“, Его образъ.

Я говорю не о попыткахъ уничтожить достовѣрность Евангелія, доказать неисторичность Христа и Его жизни. Эти попытки неизбѣжны, естественны и даже законны: нельзя наукѣ, „стоящей внѣ религіи“, запретить изучать Евангеліе, какъ историческіе документы, и жизнь Христа, какъ біографію одного изъ религіозныхъ Учителей, а вмѣстѣ, конечно, нельзя запретить наукѣ думать о Христѣ, какъ историческомъ лицѣ,—не такъ, какъ, напр., авторъ этихъ строкъ, какъ христіане.

Нѣтъ, я имѣю въ виду другого рода попытки „убить“ красоту Евангельскаго образа: *не отрицая Его, уничтожить Его ликъ.*

Это хотѣлъ сдѣлать въ свое время Ницше. Онъ дѣлалъ это съ богохульствомъ, проклиная Христа, но по очень простой и великой причинѣ. Христосъ все время мучилъ его. Онъ видѣлъ въ Немъ Великаго и Чуднаго, но не могъ сблизить Его съ своимъ построеніемъ жизни и въ недоумѣніи, растерянный, пытался столкнуть Богочеловѣка съ Его престола, доказывая, что мораль Нагорной заповѣди была моралью рабовъ.

Пытается уничтожить Христа безрелигіозный соціализмъ (думаемъ, уже умирающій, чтобы замѣниться христіанской соціологіей).

И здѣсь Христа хотѣли оттолкнуть — выжить изъ міра, не потому что внутренне Его отрицали, а потому, что Его міровоззрѣніе мѣшало... Религія Христа — по взгляду соціализма — возненавидѣла землю, прокляла ее и бросила, и естественно нужно было „убить Христа“, даже и вѣруя въ Него, какъ дѣлаетъ инквизиторъ у Достоевскаго.

Люди, потерявшіе надежду на то, что христіанство излѣчитъ раны міра, рѣшили свою религію поставить на мѣсто старой, и для этого имъ было необходимо нужно прогнать Христа изъ жизни и душъ человѣческихъ.

И тотъ и другой походъ противъ Христа намъ понятенъ. И тотъ и другой вышелъ изъ больной, но сильной совѣсти.

Совсѣмъ другое дѣло — Ренанъ.

Это не отрицаніе; это—подмѣна. Рафаэля подмѣнили бонбоньеркой...

Иногда Ренана обвиняютъ въ предательствѣ Іуды. „Радуйся, Учителю“. Это привѣтствіе предателя проф. Муретовъ избралъ эпиграфомъ для характеристики книги Ренана. Создалась легенда, что Ренанъ былъ купленъ за 1.000.000 франковъ.

Это—ложь. Нѣтъ, навѣрное Ренанъ въ самомъ дѣлѣ представлялъ Христа такъ, какимъ онъ Его изобразилъ въ своей книгѣ.

Сентиментальный буржуа подошелъ къ Великому Божественному и трагическому образу. Что могъ онъ увидѣть въ лицѣ Голгоѳскаго Страдальца?.. Ничего... У него не было никакого сродства съ психологіей Христа, и, не

понимая ея, онъ долженъ былъ списать ее изъ „сентиментальнаго дневника сестры!“

Прочтите выше главу о Христѣ передъ смертью.

Вспомните.

„Христосъ передъ Голгоѳой, думающій о глазахъ галилейскихъ дѣвушекъ“...

А вотъ Онъ, Голгоѳскій Страдалецъ, идетъ на крестъ.

На чемъ теперь сосредоточена мысль его біографа Ренана. *Онъ около жены Пилата;* наблюдаетъ за тѣмъ, какъ она любуется изъ окна „граціознымъ ликомъ Юнаго Галилеянина“.

Онъ идетъ за ней въ ея спальню, подслушиваетъ ея грезы. Она во снѣ видала того Юнаго Красавца и вотъ на утро заступается за Него передъ мужемъ.

Скажите, что могла сказать Голгоѳа человѣку такого склада мыслей?

А здѣсь онъ стоялъ передъ самымъ главнымъ въ исторіи Христа... Внѣ Голгоѳы Евангеліе немыслимо, потому что вся идея Христова дѣла дана здѣсь и только здѣсь выразился ясно и ярко Его образъ.

Ренанъ толкуетъ о Христѣ, какъ мечтателѣ, проникнутомъ любовью къ людямъ и скорбью о бѣдныхъ дѣтяхъ и бѣдныхъ женщинахъ. „Онъ любилъ народъ. Онъ мечталъ разомъ перестроить міръ. Простимъ Его эти невинныя мечты... Онъ доходилъ до крайностей: отрицалъ собственность. Но Онъ былъ очарователенъ. Онъ прощалъ всѣмъ, лишь бы Его любили“ и т. д. „Онъ покорялъ улыбкой“...

Въ этомъ образѣ такъ и чудится канареечный Христосъ Лафона, о которомъ говоритъ Лѣсковъ.

„Несравненное величіе религіи Христа состоитъ именно въ томъ, что она была религіею абсолютно нравственной, — пишетъ Шереръ. — Что принесла она въ

міръ? Она принесла нѣкоторый идеалъ жизни, понятіе *святости,* понятіе уже знакомое людямъ Ветхаго Завѣта, но которое еще болѣе смягчилъ Сынъ Маріи, которое Онъ, какъ бы сказать, пропиталъ слезами и нѣжностію, такъ что оно съ тѣхъ поръ навсегда завладѣло совѣстью людей".

„Вотъ въ чемъ духъ ученія и миссіи Христа, вотъ область идей, въ которой нужно установить свою мысль, если желаемъ точно опредѣлить характеръ христіанства. Между тѣмъ Ренанъ сталъ на иную точку зрѣнія—на точку зрѣнія художника. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на Евангеліе со стороны нашихъ нравственныхъ инстинктовъ, онъ искалъ въ немъ преимущественно великаго, прекраснаго, я готовъ былъ сказать „хорошенькаго". Онъ приложилъ къ жизни Іисуса чисто эстетическія категоріи".

Шереръ самъ не глубоко понялъ трагедію Голгоѳы. Вмѣсто того, чтобы оцѣнивать христіанство съ точки зрѣнія глубокой, революціонной [1]) трагедіи „Лобнаго мѣста", онъ оцѣниваетъ его съ точки зрѣнія просто нравственныхъ инстинктовъ, но оцѣнка Ренана все же вѣрна и оригинальна. Ренанъ искалъ именно „хорошенькаго".

Онъ—художникъ, но мелкій художникъ стиля, а не душъ.

Отсюда у него нѣтъ даже проникновенія въ „настроеніе", истинный образъ Христа подмѣненъ у него тѣмъ, какой могъ нравиться рантье, любящему помечтать.

„Но иное дѣло — улыбаться надъ легендою какого нибудь миѳологическаго святого; иное дѣло — хранить въ себѣ впечатлѣніе этихъ страшныхъ тайнъ, которыя

---

[1]) Конечно, не въ „техническомъ" смыслѣ этого термина.

наводили печаль на столько душъ, притомъ лучшихъ душъ".

Если хотите, Голгоѳа была даже проповѣдью *противъ* той любви, какая казалась идеаломъ Ренану, отрицаніемъ того піетическаго лживаго типа жалости и нѣжности, который навязываютъ Учителю любви.

Любовь Ренана—расплывчатое радостное чувство, розовое, восторженное — прелюбодѣйное, вовсе не любовь Христа.

Идея христіанской любви раскрыта въ Голгоѳѣ.

Голгоѳа явила міру новое откровеніе о томъ, что человѣкъ есть то, „что нужно побѣдить".

Голгоѳа — актъ „святой ненависти" въ смыслѣ святой боли, скорбнаго отрицанія въ отношеніи къ „прокаженности" міра и уже никакъ не актъ слащавой любви.

Христосъ въ Геѳсиманіи... Откуда этотъ кровавый потъ на челѣ? Это боязнь смерти, предсмертная тоска? Нѣтъ, навстрѣчу воинамъ выходитъ Христосъ уже холодный и безстрастный.

Кровавый потъ выступилъ потому, что въ Геѳсиманіи умиралъ прежній человѣкъ.

„Человѣкъ этотъ—то, что нужно перейти", говорилъ одинъ великій язычникъ, близкій ученикъ Христа и Его врагъ.

Вотъ это „перехожденіе" человѣка и совершалось на Голгоѳѣ.

Здѣсь въ совѣсти Одного, *тяжкимъ порывомъ этой совѣсти,* совершался судъ надъ всѣмъ человѣчествомъ, надъ всѣмъ его прошлымъ, надъ законами его прежняго бытія,—и все это прошлое было осуждено, проклято и уничтожено ..

Представьте себѣ человѣка, который нечеловѣческимъ, Божественнымъ сознаніемъ охватилъ всѣ язвы всѣхъ совѣстей, увидѣлъ всю проказу міра, всю сумму зла, которую создалъ „человѣкъ“, растлившій всю землю, „закономъ борьбы за жизнь, борьбы шакаловъ изъ-за падали“, жизнь всего міра обратившій въ *сплошной сифилитическій трупъ*.

И вотъ Новый Человѣкъ на Голгоѳѣ. Человѣкъ Богъ въ силу сближенности со всѣми людьми, духовной сращенности съ ними—всю эту проказу чувствуетъ на Себѣ.

Онъ видитъ, что съ ногъ до головы нѣтъ здороваго мѣста, что человѣкъ, который долженъ былъ итти къ Богу, стать Богомъ, сильнымъ, великимъ, сложнымъ, сталъ „послѣднимъ моргающимъ человѣкомъ“, даже *не преступнымъ, даже не злымъ*, а нищимъ, истлѣвшимъ „дочеловѣкомъ“.

Помните, что пережить въ своей душѣ это осужденіе міра и человѣка была наука, передъ которой ничто всякая *физическая Голгова*.

Говоря словами Канта, это „самое болѣзненное изъ страданій, болѣе страшное, чѣмъ муки дѣторожденія“.

„Человѣкъ отрицалъ прошлаго человѣка, отрывалъ по кускамъ отъ сердца то, чѣмъ жилъ погибшій человѣкъ, чтобы поставить на мѣсто его Новаго Человѣка.

Стоя на точкѣ зрѣнія эволюціи, можно представить моментъ, когда человѣкъ впервые созналъ себя, *какъ человѣка, отдѣлилъ себя отъ природы*. Навѣрное, это былъ больной, мучительный моментъ.

На Голгоѳѣ повторился этотъ же моментъ: *человѣкъ переходилъ въ новую стадію существованія, и это было еще страшнѣе, еще таинственнѣе и мучительнѣе*.

Умиралъ „человѣкъ“, *вообще*, чтобы стать Богомъ, какъ этотъ Единый Человѣкъ, сошедшій съ неба... Ко-

печно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ величайшей міровой трагедіей.

Суть этой трагедіи, психологія ея понятна людямъ глубокаго христіанскаго настроенія.

Она была понятна и нѣкоторымъ глубокимъ людямъ внѣ христіанства. Настроеніе Голгоѳы, повидимому, понималъ Ницше, когда въ письмахъ къ сестрѣ онъ пишетъ о томъ, какъ „давитъ его мукой Голгоѳы зрѣлище человѣческаго униженія, духовной ничтожности, зрѣлище людей-обезьянъ... Я изнемогаю отъ боли и муки, жалости и ненависти къ себѣ, потому что я изъ нихъ“.

Но можно ли ждать такого пониманія отъ Ренана, когда его Христосъ въ Геѳсиманіи думаетъ о любви галилейскихъ дѣвушекъ.

Какъ видите, главная мысль Христа — идея „растлѣнія міра“, и Онъ проповѣдывалъ необходимость уничтожить прошлое и „прошлаго человѣка“, потерявшаго въ себѣ Бога и человѣчность.

Говоря библейскимъ языкомъ, все Евангеліе проникаетъ идея „грѣха“.

Но буржуазное міровоззрѣніе Ренана не могло принять самой идеи грѣха, слишкомъ и сложной и неудобной для мѣщанскаго міровоззрѣнія.

„15 авг. 1871 года прочелъ во второй разъ,—читаемъ въ дневникѣ Аміеля, — жизнь Іисуса Ренана. Характеристично въ этомъ анализѣ христіанства то, что грѣхъ не играетъ въ немъ никакой роли. Между тѣмъ, если что-нибудь объясняетъ успѣхъ Благой Вѣсти между людьми, то именно то, что она приносила избавленіе отъ грѣха, однимъ словомъ, спасеніе (осужденіе совѣсти и ея возрожденіе). Слѣдовало бы объяснять религію религіозно и не увертываться отъ средоточенія своего предмета. И въ концѣ-концовъ Христосъ Ренана, это не

Тотъ Христосъ, Который составлялъ силу мучениковъ и Который отеръ столько слезъ. У автора недостаетъ нравственной серьезности, онъ смѣшиваетъ благородство со святостію. Онъ говоритъ какъ впечатлительный художникъ о трогательномъ предметѣ, но его совѣсть, повидимому, не заинтересована въ вопросѣ. Развѣ можно смѣшать эпикуреизмъ воображенія, отдающагося прелести эстетическаго зрѣлища, съ терзаніями души, страстно ищущей истины? Въ Ренанѣ есть еще остатокъ семинарской хитрости. Онъ изъ священныхъ шнуровъ дѣлаетъ петли, которыми давитъ".

Понятіе грѣха, мысль о разложеніи самаго міропониманія въ человѣческой совѣсти, проповѣдь измѣнить „разумѣніе жизни?"

Но Ренанъ открыто признаетъ, что онъ *ничего не понимаетъ въ этихъ печальныхъ догматахъ.*

По мнѣнію Ренана, тотъ религіозенъ, „кто доволенъ Господомъ Богомъ и самимъ собою".

Стоя на такой точкѣ зрѣнія, нуждался ли довольный Господомъ и самимъ собой мѣщанинъ во Христѣ, въ спасеніи? Нѣтъ.

Ренанъ, въ этомъ отношеніи, рѣшительно заявляетъ слѣдующее:

„Аміель съ безпокойствомъ спрашиваетъ: *Что же спасаетъ?* О, Боже мой, спасаетъ то, что даетъ каждому побужденіе жить. Средство спасенія не одно и то же для всѣхъ. Для одного это—*добродѣтель;* для другого—жажда истины; еще для другого—любовь къ искусству; для многихъ—*любопытство, честолюбіе, путешествіе, роскошь, женщины,* богатство; на самой низшей ступени—*морфинъ и алкоголь.* Люди добродѣтельные находятъ свою награду въ самой добродѣтели; а тѣ, кто недобродѣтеленъ, имѣютъ на свою долю удовольствіе".

По точному смыслу его рѣчи выходитъ, что всеобщій спаситель есть *алкоголь*, потому что роскошь, женщина — только разновидности опьянѣнія...

Идеалъ Ренана — повтореніе Бодлера: „Опьяняйтесь, боясь пробужденья, опьяняйтесь виномъ, и мечтами, и сердца влеченьемъ. Чистотою. . Ищите во всемъ и всегда для себя опьянѣнья“... Но тогда ясно, какую роль могъ играть въ міровоззрѣніи Ренана Христосъ?.. Онъ выдумалъ своего Іисуса, чтобы дать читателю возможность опьяниться легкимъ пріемомъ наркоза, — умиленіемъ чистотою... граціознымъ сентиментальнымъ образомъ.

Но, можетъ-быть, наша точка зрѣнія въ оцѣнкѣ Ренана покажется читателямъ чрезмѣрно сложной. Уступая имъ, перейдемъ къ рѣчи объ методѣ Ренана, какъ историка.

Что такое его книга: критическое изслѣдованіе или пустой историческій романъ? Наша задача здѣсь очень легкая.

Съ чистосердечіемъ, котораго нельзя не отмѣтить, Ренанъ самъ позаботился открыть намъ тайну своего пріятнаго метода: „Въ исторіяхъ подобнаго рода, — говоритъ онъ, — главнымъ признакомъ обладанія истиной служитъ то, насколько удается намъ скомбинировать тексты такъ, чтобы изъ нихъ получался логически связный и правдоподобный разсказъ, въ которомъ не было бы ничего фальшиваго. Но нужно признаться, что тексты бываютъ иногда непослушны и не поддаются сами собой такой комбинаціи. Тогда писатель долженъ слѣдовать инстинкту прекраснаго и заставлять тексты претерпѣвать нѣкоторое пріятное и легкое принужденіе, которое бы приводило ихъ во взаимное согласіе“. Тексты нуждаются „въ *толкованіи по вкусу, ихъ нужно осторожно*

дописывать. пока намъ не удастся сблизить ихъ и образовать изъ нихъ одно цѣлое, въ которомъ счастливо сливаются всѣ данныя".

Особенно занимаетъ автора „расположеніе разсказа, гармонія цѣлаго, вѣрность передачи общаго настроенія и чувства, правдивость колорита, чему онъ охотно подчиняетъ все то, что называетъ *малой достовѣрностью мелочей*".

Нетрудно замѣтить, что это есть не что иное, какъ законы историческаго романа, развязно примѣненные къ исторіи Христа.

„Однако какой это опасный методъ,—говоритъ Каро,—какъ выдаетъ онъ легкое отношеніе автора къ дѣлу, и въ первоначальномъ замыслѣ сочиненія, и въ постепенномъ устраненіи нѣкоторыхъ затруднительныхъ для него фактовъ, которые отодвигаются на второй планъ, если только не удаляются совсѣмъ, какъ могущее будто бы вредить впечатлѣнію цѣлаго.

Гдѣ начинаются и гдѣ кончаются эти *мелочи, малую достовѣрность* которыхъ онъ подчиняетъ общему результату? Въ картинѣ, которая вся есть продуктъ фантазіи, меня мало занимаетъ выборъ частностей. Но въ сочиненіи такого рода, какъ сочиненіе Ренана, я не могу безъ недовѣрія допустить принципъ *свободнаго толкованія текстовъ по вкусу*.

Вся книга—именно толкованіе текстовъ по вкусу. Возьмемъ примѣры:

Эстетическое чувство Ренана оскорблено текстами, устанавливающими согласіе между нѣкоторыми обстоятельствами жизни Іисуса и мессіанскими пророчествами; и вотъ онъ осторожно ихъ отстраняетъ, увѣряя насъ,

что „будто нужно было бы придумать много анекдотовъ, чтобы доказать, что эти пророчества исполнились“ [1]).

„Евангелисты разсуждали такъ: Мессія долженъ сдѣлать то-то; но Іисусъ есть Мессія; слѣдовательно, Онъ сдѣлалъ то-то. То разсуждали наоборотъ: то-то случилось съ Іисусомъ; но Іисусъ—Мессія; слѣдовательно, то-то должно было случиться съ Мессіей“.

„Не лишнее было бы, однако, для подтвержденія этихъ словъ привести нѣсколько доказательствъ, установленныхъ разборомъ текстовъ“.

Авторъ, приписывающій здѣсь евангелистамъ petitium principii (кругъ въ доказательствѣ), не замѣчаетъ, что онъ самъ впадаетъ въ ту же ошибку.

Евангелисты говорятъ: „Іисусъ былъ сынъ Давида... Іисусъ родился въ Виолеемѣ... Іисусъ родился отъ Дѣвы, чтобы пророчество сбылось“. Ренанъ въ своемъ „пятомъ Евангеліи“ говоритъ: „Іисусъ не былъ сыномъ Давида, Іисусъ родился не въ Виѳлеемѣ, у Іисуса были братья и сестры, и все это,—*чтобы пророчество не сбылось*“.

Вмѣсто того, чтобы оспаривать генеалогіи, которыя намъ даютъ св. евангелисты Матѳей и Лука и которыя устанавливаютъ родословную отъ Давида до Іисуса, онъ бездоказательно объявляетъ ихъ вполнѣ фиктивными и обставляетъ вопросъ такими ограниченіями, которыя заслуживаютъ того, чтобы быть приведенными: „Именованіе Сыномъ Давида было первое, принятое Іисусомъ, *вѣроятно,* безъ Его участія въ тѣхъ *невинныхъ обманахъ*, которыми старались обезпечить за Нимъ это именованіе. Родъ Давида, *кажется,* давно угасъ... *Правда,* при-

---

[1]) Слѣдующія 3 стр. принадлежатъ Каро: Идея Бога и ея критики.

бавлено въ примѣчаніи, что нѣкоторые наставники, какъ Гиллель, Гамаліилъ, выдаются за принадлежащихъ къ роду Давида. *Но это очень сомнительныя показанія*". Понятна цѣна такой убѣдительной критики: она сама разбиваетъ себя, не говоря уже о томъ, что церковная исторія говоритъ намъ о потомкахъ Давида даже въ царствованіе Клавдія.

Я не беру на себя разбора ученаго достоинства книги Ренана. Отчасти это дѣлается во второй статьѣ.

Для иллюстраціи двѣ-три картинки.

„Для объясненія рожденія Христа въ Виѳлеемѣ и была выдумана,—пишетъ Ренанъ,—перепись, которая въ дѣйствительности была десять лѣтъ позже, при сынѣ Ирода". И Ренанъ ссылается на Флавія. Но если бы Ренанъ читалъ Флавія сначала, онъ прочиталъ бы, что при Иродѣ тоже была перепись и „6000 фарисеевъ тогда отказались записаться". Слѣдовательно, когда Лука называетъ перепись „первою", то—это фактъ, и Ренанъ только по ученой невнимательности могъ его опустить.

А вотъ прямо забавныя строки:

„Іисусъ имѣлъ братьевъ и сестеръ, изъ которыхъ, вѣроятно, Онъ былъ старшимъ. Всѣ они остались неизвѣстными. Четыре же личности, считающіяся его братьями, надо полагать его двоюродными братьями".

Но если мы знаемъ даже о двоюродныхъ, а они въ Евангеліи зовутся братьями, и ничего не знаемъ о родныхъ, то гдѣ основанія того, что родные братья были.

И какъ это *трогательно точно—сестры вышли въ замужество въ Назаретѣ.* Но не правда ли, если нужно обязательно выдумать для Св. Приснодѣвы Маріи дѣтей, то они могли быть только *сыновьями,* вѣдь это безразлично? Или дочери могли выйти замужъ и *въ Капернаумѣ?* Въ Канѣ?

Нечего и говорить, что Ренанъ отрицаетъ все сверхъестественное въ Евангеліяхъ. Мы не можемъ, конечно, заставить вѣрить въ чудо тѣхъ, кому не понятна мысль, что идея чуда вовсе не представляетъ противорѣчій и диссонанса въ монистическомъ міровоззрѣніи [1]); мы просто останавливаемся на спеціальномъ ренановскомъ отношеніи къ факту. Штраусъ отрицалъ чудеса, онъ ихъ считалъ миѳомъ. Ренанъ смотритъ на дѣло иначе.

Прочитайте описаніе воскрешенія Лазаря. Это издѣвательство надъ всякой мыслью, а вмѣстѣ и оплеваніе Христа. Здѣсь идеальнѣйшій изъ людей участвуетъ въ сущности въ позорнѣйшемъ дѣлѣ. Учениками Христа подстроено „чудо". Больной Лазарь *притворяется умершимъ*. Его хоронятъ... И Христа заставляютъ продѣлать *комедію воскрешенія*.

Можно ли выдержать большее оскорбленіе лику Христа, чѣмъ это? А вмѣстѣ, можно ли отыскать что-нибудь болѣе абсурдное въ смыслѣ критическомъ.

Но, можетъ-быть, вниманіе Ренана слишкомъ было сосредоточено на характеристикѣ Христа, на процессѣ въ Его психологіи, такъ что онъ и не останавливался на внѣшнихъ событіяхъ при жизни, предоставляя это Штраусу... Можетъ-быть, но мы утверждаемъ, что образъ Христа не только не понятъ въ его сущности, но и плохо сочиненъ, выдуманъ.

У Ренана, какъ извѣстно, два Христа или два рѣзко различныхъ перехода въ жизни Христа: Христосъ Галилеянинъ и Христосъ послѣднихъ лѣтъ.

Первый Христосъ, назаретскій плотникъ, есть простой *провинціалъ*; менѣе того — молодой *деревенскій жи-*

---

[1]) О чудѣ—предисловіе къ статьѣ... „Зачѣмъ ты предаешь Меня поцѣлуемъ?".

тель, не имѣющій никакого понятія объ исторіи или политикѣ и смотрящій на міръ только сквозь призму своей наивности. Земля представляется Ему раздѣленной на враждующія царства; Ему, повидимому, неизвѣстенъ „римскій міръ“ и новое состояніе общества. Веселая и величественная природа, среди которой Онъ родился, — вотъ все Его воспитаніе.

Іисусъ, хотя и „необразованный“, по нашимъ современнымъ понятіямъ, былъ, однако, изящною личностью, тонкимъ и радостнымъ моралистомъ: Его одушевляетъ нѣжное чувство къ женщинамъ; Онъ любитъ развлеченія, какъ это доказываетъ бракъ въ Канѣ, и является на *пиршествахъ особенно любезнымъ и мягкимъ*. „Вся исторія нарождающагося христіанства была лишь прелестною пасторалью... Мессія на брачныхъ пиршествахъ, куртизанка и добрый Закхей, званые на его пиршества, — вотъ основатели царства небеснаго, являющіеся предъ нами какъ бы въ видѣ свиты дружекъ, вотъ на что Галилея осмѣлилась, вотъ что заставила она принять“.

Жилъ когда-нибудь этотъ Христосъ изъ „пасторали“? Нѣтъ... Онъ выдуманъ скуднымъ и слащавымъ пасторальнымъ воображеніемъ Ренана.

Мы не забываемъ, конечно, трогательныхъ сценъ, въ родѣ картины благословеніе дѣтей и т. д., но, по правдѣ сказать, было бы большою ложью видѣть въ нихъ характеристику Господа Іисуса Христа.

Мягкій и нѣжный Галилеянинъ — ложь.

Взгляните въ Евангелія. Вы увидите, что тамъ нѣтъ этого „благородно - сентиментальнаго“ жалостливаго Христа.

„Я принесъ не миръ на землю, а мечъ“, говоритъ Христосъ о Себѣ. Онъ пришелъ обратить сердца отцовъ противъ дѣтей и дѣтей противъ отцовъ“.

Ради Него должна семья раздѣлиться враждой.

„Мы хотѣли бы похоронить нашихъ близкихъ“, говорятъ Ему ученики.

„Оставьте мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ“.

Господь здѣсь даже какъ будто безжалостенъ.

Вопреки Ренану, Христосъ любитъ Мать. Уходя отъ жизни, Онъ говоритъ Своему ученику: „Сынъ, вотъ твоя Мать“. Но когда во время Его проповѣди эта Божественная Мать, повидимому, увлеклась чрезмѣрной и человѣческой любовью къ Сыну, Онъ указалъ ей это.

Ночью и днемъ Она, смущенная, ищетъ Его по улицамъ города. Обрадованная, находитъ Его и вотъ Онъ бросаетъ эти почти жестокія слова: „у меня нѣтъ матери“.

Эти слова сказаны были, конечно, любовью, великой любовью, но не идиллической любовью Ренана.

Намъ, которые видятъ въ Христѣ не слабое человѣческое, антихристово состраданіе, а истинную человѣчность, ищущую Божества, понятенъ этотъ именно образъ. Образъ человѣка, который не только не „сѣялъ“ улыбками, но въ Евангеліи никогда не улыбался, нося въ душѣ скорбь о поруганномъ человѣкѣ и человѣчности.

Могъ ли улыбаться, обратить жизнь свою въ идиллію Тотъ, Кто долженъ былъ всю жизнь чувствовать Голгоѳу, смотрѣть на людей и жизнь со скорбью тяжелаго осужденія.

Но Ренану, конечно, былъ чуждъ, вѣрнѣе, „нежелателенъ“, глубокій истинный Христосъ. Для него было понятно только злое и преступное чувство мнимочеловѣческой жалости, и онъ навязалъ ее Христу въ Назаретѣ.

И этотъ Христосъ будто бы вначалѣ ждалъ близкаго и мирнаго *наступленія царства Божія.*

Это Тотъ, Который открыто говорилъ, что Онъ несетъ не міръ, а раздѣленіе.

Замѣчательно, что Ренанъ уловилъ одну черту въ Христѣ: равнодушіе собственно къ матеріальному благополучію и къ нищетѣ, какъ нищетѣ.

Здѣсь Ренанъ правъ (хотя нѣсколькими страницами позже онъ говоритъ уже другое). Тѣмъ страннѣе его попытка всю религію Христа обратить въ поэтическій апооеозъ бѣдности и проповѣдь будущаго царства бѣдныхъ.

Христосъ съ страшной силой святого гнѣва обличалъ грѣхи богачей, „поѣдающихъ домы вдовицъ". Онъ почти исключалъ богачей изъ Своего царствованія, но физическая нищета все-таки никогда не занимала исключительнаго мѣста въ Его ученіи. И поэтому вызываетъ только недоумѣніе попытка великое міровоззрѣніе сузить въ проповѣдь права бѣдныхъ. Христосъ проповѣдывалъ право бѣдныхъ, но послѣ *правъ человѣка.*

Но если Христосъ перваго періода — ложь, хотя и мѣщанская, но благочестивая, то Христосъ второго періода—антихудожественный и клеветническій образъ.

Во 2-й части книги Іисусъ оставляетъ посохъ галилейской идилліи для того, чтобы рѣшительно взять скипетръ сына Давидова и Сына Божія. Мессія начинаетъ дѣйствовать. Всевозможныя затрудненія увеличиваются вокругъ Него, препятствія появляются на Его дорогѣ, торжественный путь проходитъ около пропастей. Мы едва осмѣливаемся сказать, какъ передѣлываетъ или, точнѣе, какъ искажаетъ Ренанъ этотъ Божественный типъ, этотъ предметъ поклоненія всего человѣчества,— основателя религіи, которою живетъ міръ. Іисусъ, по

Ренану, для поддержанія Своей личности, дѣлаетъ будто бы уступки народнымъ требованіямъ, напримѣръ, принимаетъ крещеніе Іоанново: „*Во всѣ эпохи*,—говоритъ Ренанъ,— *Онъ, повидимому, много уступалъ общественному мнѣнію и принималъ много такого, что не лежало въ направленіи Его дѣятельности*, — *единственно потому, что это было народно* впрочемъ, эти уступки никогда не вредили Его главной мысли и были ей подчинены". Онъ будто бы Самъ допускалъ, по крайней мѣрѣ, молчаливо, тѣ *невинные обманы*, которыми Его ученики распространяли фиктивныя родословныя, причислявшія Его по рожденію къ роду Давида, и болѣе чѣмъ неправильные пріемы, которыми окружающіе старались доказать, что Онъ вполнѣ отвѣчаетъ всему тому, что пророки предсказали о Мессіи. Наконецъ Онъ будто бы поневолѣ становится чудотворцемъ и изгоняетъ бѣсовъ. Онъ долженъ былъ будто бы выбирать между двумя положеніями: или отказаться отъ Своей миссіи, или творить чудеса. Онъ выбралъ послѣднее.

Примиряясь съ общественнымъ мнѣніемъ, навязывающимъ извѣстную роль, и выполняя ея тяжелыя условія, Іисусъ, по Ренану, начинаетъ относиться все болѣе и болѣе страстно къ Своимъ противникамъ. Его идеи становятся горячѣе, страстнѣе и возбужденнѣе: расположеніе духа становится тяжелѣе, отъ противорѣчій. Онъ дѣлается неяснымъ и апокалиптичнымъ; Его понятіе о Сынѣ Божіемъ становится смутнымъ и преувеличеннымъ. Онъ приходитъ въ столкновеніе и возмущается при сношеніи съ міромъ. *Недовольство каждымъ сопротивленіемъ приводитъ Его къ необъяснимымъ и, повидимому, даже нелѣпымъ дѣйствіямъ*. Его борьба съ дѣйствительностью становится невыносимой. Является фанатизмъ; скоро онъ и совсѣмъ переступаетъ всякія границы.

Іисусъ, Который, казалось, былъ свободенъ почти отъ всѣхъ недостатковъ евреевъ, кончаетъ тѣмъ, что заражается всѣми непріятными страстями этой расы, которой кисть Ренана мало польстила. Онъ разражается бранью противъ Своихъ враговъ. Онъ жаждетъ смерти: *наступило время, чтобы смерть явилась разрѣшить натянутое до крайности положеніе.* Въ Немъ не остается уже болѣе ничего изъ небесной ясности первыхъ дней.

Преувеличивая свои выраженія до крайности, едва вѣроятной въ столь прославленномъ писателѣ, Ренанъ кончаетъ тѣмъ, что называетъ Іисуса послѣднихъ дней *мрачнымъ гигантомъ*, котораго какое-то грандіозное предчувствіе все болѣе и болѣе обособляло отъ всего остальнаго человѣчества, Онъ близокъ къ помѣшательству, Онъ иногда даже кажется безумнымъ.

Мрачный гигантъ! Вотъ какъ мы далеки отъ постушеской поэмы! И вся эта перемѣна произошла въ какіенибудь два года! Развѣ это значитъ слѣдовать знаменитымъ *законамъ организма*, которые самъ Ренанъ кладетъ въ основу своего труда, которые требуютъ, чтобы каждая перемѣна имѣла свою причину въ предыдущемъ состояніи?

Мы видимъ здѣсь внезапное превращеніе, настоящую Овидіеву метаморфозу. Развѣ это *тотъ* разсказъ, который обѣщалъ намъ Ренанъ, — разсказъ логичный, правдоподобный, чуждый всякой фальши? Что же вышло изъ этого пресловутаго закона „органическаго единства“? Да, Ренана осуждаютъ его собственной *критеріей* (Кара). И очень жаль, что въ нашихъ сокращенныхъ изданіяхъ читатели даже и не знаютъ объ этомъ историческомъ „фокусѣ“.

Мы видѣли, въ какихъ моральныхъ дѣяніяхъ обвиняется Христосъ Ренана, въ послѣднемъ періодѣ: съ

поддѣлать чуда. Читатели сами оцѣнятъ „этотъ рисунокъ".

Христосъ мечтаетъ теперь, пишетъ Ренанъ, о внезапной катастрофѣ — о судѣ съ громами и молніями. „Простимъ ему эти наивныя мечты".

Такъ?

Но если такъ, то почему бы Ему теперь не увлечься человѣческой мечтой іудеевъ—не объявить себя Мессіей, Царемъ, и не начать Свой судъ надъ народами... Вѣдь Онъ былъ уже почти безумный энтузіастъ. А даже не энтузіаста могли двинуть на безуміе эти крики: „Осанна Сыну Давидову!"

Христосъ мечтаетъ о внезапномъ наступленіи Его царства при трубныхъ звукахъ. Простимъ Ему эти мечты.

Но этихъ мечтаній не было. Они выдуманы.

Христа второго періода тоже нѣтъ въ Евангеліи.

„Васъ будутъ гнать, заключать въ тюрьмы. Если изгнали Меня, то и васъ изгонятъ!" говорилъ Господь. Христосъ пришелъ будто бы къ мысли, что внезапно побѣдитъ, Его царство придетъ и однимъ порывомъ смететъ прошлое.

Такая мысль была среди апостоловъ. Ее высказали сыны грома, Іоаннъ и Іаковъ, когда просили себѣ мѣсто около престола Христова.

Но развѣ не былъ ясенъ Его отвѣтъ: „Апостоловъ ждетъ не царство. Они должны пить чашу, которую Онъ пилъ".

Если настанетъ царство Его, то и Самъ Онъ, Христосъ Сынъ Божій, на знаетъ, когда это будетъ.

Новое царство встаетъ на моральныхъ развалинахъ стараго, когда весь міръ будетъ въ недоумѣніи стоять

предъ разрушающимъ міровымъ порядкомъ и спрашивать: куда же итти?.. что дѣлать?

И это пророчество о новомъ мірѣ было вовсе не мечтой, а скорбной думой, мучительнымъ сознаніемъ Богочеловѣка, потому что время это должно было наступить и послѣ многой крови и слезъ, послѣ того, какъ *оскудѣетъ любовь и всѣ отрицательныя теченія міра придутъ къ своему апогею.*

Вспомните, пророчества Христа. Будутъ войны, возстанетъ народъ на народъ, но это еще не конецъ.

Будутъ землетрясенія, наводненія, но не это еще конецъ.

Всѣ народы услышатъ Евангелія (Мо. XXV).

Гдѣ мечта о скоромъ наступленіи царства Божія сейчасъ, при жизни Іисуса?

Наше резюме. Жизнь Іисуса — очень не удачный, непроникновенный, психологически-лживый романъ.

Ренанъ захотѣлъ написать Христа по вкусу времени, но время его, время эпикурейскаго скепсиса, не могло дать элементовъ для сильнаго и великаго, хотя бы человѣческаго образа.

И понятно, что послѣ всего сказаннаго заключеніе книга Ренана кажется дѣйствительно „поцѣлуемъ Іуды".

Это замѣчательныя по лживости, но интересныя строки.

Не стану ихъ повторять. Напомню двѣ-три строки: Іисусъ стоитъ какъ колонна необычайной высоты: Его высоты никто не достигалъ и никто не достигнетъ.. Онъ внесъ въ міръ идеи, которыя не умрутъ.

Его никто не превзойдетъ.

Но если не было до Него никого такого, кто бы былъ даже близокъ по высотѣ къ Нему и послѣ не будетъ, то что же такое Христосъ?

Онъ не вышелъ изъ условій времени, Онъ перешелъ законы времени.

Его Божественная мысль есть чудо, не вмѣщающееся не только въ условія его эпохи, но „не переходимое“ для нашего времени.

Тогда—кто же Онъ? Исходя изъ посылокъ Ренана, Онъ — Богъ.

Если Онъ явленіе внѣисторическое, а это такъ и говоритъ Ренанъ, Онъ — Чудо.

Если всѣ предшествующія поколѣнія и даже совокупность всего доселѣ жившаго человѣчества не заключаетъ въ себѣ „сѣмени“ такой великой личности и не можетъ снова родить такую личность, Онъ—не человѣкъ, Онъ — Богъ. Тогда Онъ съ неба.

Если Ренанъ такъ не думаетъ, то онъ говоритъ *комплименты* — ложь—въ своемъ *заключеніи*.

— Да, Христосъ внесъ въ міръ идею, которая не умретъ.

Какая идея? „Іисусъ“ Ренана не вноситъ въ жизнь никакой идеи, кромѣ идей идиллически-опереточной радости. Но истинный Христосъ дѣйствительно носитель великихъ идей, и именно идей Богочеловѣчества и спасенія чрезъ Голгоѳу, идей воскресенія новаго человѣка, рождающагося изъ распятія.

Этой идеи не понялъ буржуа изъ Бретани и по существу она настолько огромна, чтобы вывести Назаретскаго Учителя изъ рядовъ человѣческихъ. Никакая человѣческая мысль не могла выдумать этого Христа, потому что, чтобы опять внести въ міръ идею Голгоѳы

и воскресенія, нужно было быть Богомъ, и самый фактъ „воскресенія“ Христова, какъ онъ ни великъ, *все же меньше факта Голговы.*

И если бы Голгоѳа была не фактомъ жизни Христа, а мыслью Петра, Матѳея или Іоанна, мы должны бы были цѣловать ихъ ноги, говоря: „Учитель, Господь и Богъ мой!“ Но они сами только благоговѣйно касались лишь края вѣчной Ризы Вѣчнаго Христа Бога.

Нѣсколько словъ о чудѣ.

Мы переходимъ въ статьѣ Т. И. П—а, къ болѣе научному, экзегетическому анализу „Жизни Іисуса". Тамъ, между прочимъ, мы говоримъ объ отношеніи Ренана къ чуду. Но впередъ нѣсколько словъ о томъ же.

Мы не хотимъ доказывать возможность чудесъ: какъ мы уже сказали, трудно доказать это невѣрующему, а вѣрующему не нужно доказывать.

Однако наша просьба читателю: что отрицаете, отрицайте серьезно, начинайте отрицать только тогда, когда *вы безусловно увѣрены въ своемъ правѣ отрицать.*

Возьмемъ самое разительнѣйшее изъ чудесъ, которое, конечно, уже безъ всякаго колебанія отрицаетъ Ренанъ: „безсѣменное зачатіе Св. Дѣвы"... Вамъ трудно принять это чудо? Понятно.

Но скажите, вамъ понятенъ „партеногенезисъ"? Знаете, что это такое?—Это рожденіе безъ участія мужского начала въ мірѣ животномъ. Ovum оплодотворяется, становится способнымъ создать жизнь—чрезъ раздраженіе его химическими, электрическими реактивами. Эти реактивы замѣняютъ вполнѣ мужское начало, такъ какъ, повидимому, сперматозоїй и играетъ только роль раздражителя. Такимъ образомъ „дѣвственно" размножались шелкопрядъ, иглокожія и т. д.

Я ни одной минуты не думаю дѣлать какихъ-нибудь сопоставленій этого факта съ Великимъ Чудомъ Рожденія Бога, но только спрошу? Ранѣе, чѣмъ вы узнали о „дѣвственномъ“ размноженіи у шелкопряда или морскихъ ежей, вы мысленно допускали этотъ фактъ?

Конечно, нѣтъ, и если бы вамъ кто-нибудь сказалъ объ этомъ фактѣ, вы, навѣрное, сказали бы: нѣтъ это, нелѣпость, безъ мужа нѣтъ рожденія: Ex nihilo nihil fit. Теперь „безсѣменное“ зачатіе—партеногенезисъ—признанный фактъ (см. „Міръ Божій“ 1905 г Январь. „Совр. состоян. ученія о партеногенезисѣ“), но когда, 110 лѣтъ тому назадъ, де-Кастеллэ первый разъ сказалъ знаменитому Реомюру о своемъ открытіи дѣвственнаго размноженія у шелкопряда, тотъ только улыбнулся.

„Ex nihilo nihil“, и де-Кастеллэ тотчасъ покаялся въ нелѣпости своей мысли и сталъ оправдывать свою *ошибку*.

Но если здѣсь разрушаются великія догмы прошлаго, то кто смѣетъ отрицать чудо Св. Дѣвы?

Въ томъ и дѣло, что человѣкъ стоитъ еще на такой невысокой ступени, что ничего еще не смѣетъ отрицать.

Не забывайте, что „параллельныя въ геометріи Лобачевскаго“ сходятся вопреки нашимъ обычнымъ понятіямъ, и кто знаетъ, сколько еще „параллельныхъ линій“ сойдется, сколько еще нашихъ мнимыхъ аксіомъ разобьется.

Мы еще не знаемъ міра, не знаемъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ немъ. Почему же напередъ станемъ отрицать силу, которая зовется „духъ“? На какомъ основаніи мы станемъ утверждать, что кромѣ духа человѣческаго, который можетъ читать сквозь запечатанныя конверты, можетъ видѣть на разстояніи (факты телепатіи, см. хотя бы у Черпанова: „Совр. естеств. и психологія“),

можетъ на разстояніи управлять чужой волей, нѣтъ въ мірѣ еще психическихъ силъ „большихъ“, нѣтъ міра надчеловѣческаго, который, однако, не чуждъ и землѣ (Богъ, духи).

Чудесъ нѣтъ. — это правда, ибо *все,* творимое Богомъ, только *естественно.* „Неестественность“ чудесъ въ глазахъ людей, основавшихся на понятіи желѣзной закономѣрности всѣхъ явленій въ природѣ, станетъ для насъ *естественностью* и *необходимостью,* если мы поймемъ, что въ каждомъ чудѣ — *прикосновеніе къ жизни Творца жизни.* Жива попрежнему, безконечна и могущественна, какъ и въ *дни творенія,* полна любви сила Бога Всѣхъ Силъ, и чѣмъ загадочнѣе, невозможнѣе кажется каждое чудо, тѣмъ больше въ немъ *правды Божіей,* милующей, спасающей, безмѣрно возлюбившей человѣчество. Да и самый міръ необъятный, разгаданный только въ ближайшей, поверхностной и меньшей долѣ, — не весь ли онъ *чудо и тайна?* (Апокрифъ.)

Чудо не противно разуму. Будетъ ли чудо, если взрослый человѣкъ остановитъ рукой своей камень, падающій съ крыши и угрожающій смертью ребенку, который играетъ около дома, съ котораго упалъ камень? Тутъ нѣтъ чуда. Тутъ все естественно. Если, положимъ, тотъ же камень остановила не человѣческая рука, а рука Божественная, то что же тутъ непріемлемаго, разъ допущено, что Богъ можетъ простирать Свою руку и можетъ оказывать помощь въ отвѣтъ на молитву? Тутъ не было бы никакого нарушенія законовъ, потому что вѣдь не нарушаетъ законъ природы человѣкъ, который своей рукой останавливаетъ камень, падающій по законамъ тяготѣнія.

Для насъ, напр., есть живыя существа и кромѣ человѣка, а если есть, то, конечно, они и дѣйствуютъ въ мірѣ.

Есть Богъ живой — это значитъ есть Богъ чудотворецъ.

„Если Богъ нашъ не можетъ дѣлать чудесъ, у насъ нѣтъ живого Бога, — пишетъ Функе, — а нѣтъ живого Бога,—нѣтъ и никакого". Кто вѣруетъ въ живого Бога и имѣетъ хоть отдаленное предчувствіе Его величія, тотъ не можетъ предположить, чтобы законами, Имъ Самимъ данными, Онъ связалъ Себѣ руки и долженъ теперь допустить все, что происходитъ.

Но когда мы вѣруемъ въ то, что мы—люди и должны быть или стать людьми Божіими,—такими, которые созданы для общенія съ Богомъ и въ этомъ одномъ находятъ полноту жизни и удовлетвореніе себѣ, когда мы вѣруемъ, что есть человѣческая свобода и что человѣкъ не машина, движущаяся подъ вліяніемъ извѣстныхъ законовъ и не могущая двигаться иначе, тогда невозможно Богу оставаться безучастнымъ къ тому, что трогаетъ людей.

Онъ не можетъ хранить молчанія по отношенію къ нимъ. *Онъ долженъ говорить* имъ; *Онъ не можетъ не слушать ихъ благодарственные псалмы, Онъ долженъ отвѣчать;* Онъ не можетъ относиться одинаково къ человѣку, который бьетъ Его въ лицо, и къ человѣку, который со слезами обращается къ Нему изъ заблужденія и жаждетъ отеческаго сердца. Богъ долженъ оправдать Себя въ судѣ Своемъ такъ же, какъ и въ любви Своей. Если есть вообще добро и зло, если есть у человѣка свобода противиться злу и искать добра или презирать добро и служить своимъ нечистымъ похотямъ, то невозможно, чтобы Богъ, если Онъ живъ и святъ, относился къ этому равнодушно. Богъ долженъ открываться людямъ—или нѣтъ у насъ болѣе никакого общенія съ Нимъ.

Надо, чтобы Онъ говорилъ, отвѣчалъ намъ словомъ или дѣломъ.

Если предположить, что Богъ не обращаетъ больше вниманія на слезы покаянія блуднаго сына и на молитвы угнетенной вдовицы, то и самыя слова „покаяніе и молитва“ сдѣлаются скоро загадкой для людей. „Я не хочу вступать въ споръ о томъ, имѣетъ ли молитва растроганной души какую-нибудь силу или не позволяетъ этого nexus rerum (законъ природы). Я отношусь съ полнымъ уваженіемъ къ nexus rerum, но не могу все-таки не вспомнить при этомъ о Самсонѣ, который, оставивъ нетронутымъ nexus внутренняго строенія воротъ, какъ извѣстно, отнесъ ворота цѣликомъ на гору. Однимъ словомъ, я полагаю, что не напрасно кричитъ олень, ища водныхъ источниковъ, — нужно только хорошенько молиться и съ надлежащимъ настроеніемъ“.

Если же Богъ не внимаетъ нашимъ молитвамъ, то Онъ не Богъ. Онъ смѣется надъ собственнымъ твореніемъ Своимъ, вложивъ въ наши сердца потребность молитвы и надежду на то, что Онъ услышитъ ее. „Богъ долженъ творить чудеса“, это значитъ: Онъ долженъ дѣйствовать сверхъестественнымъ образомъ. Иначе мы не можемъ ни любить ни бояться Его, и Онъ скоро сдѣлается безразличнымъ для насъ.

Но если мы согласимся съ тѣмъ, что достойно Бога и даже само собой понятно, чтобы Онъ дѣйствовалъ сверхъестественнымъ образомъ, т.-е. такъ, что нельзя понять Его дѣйствій изъ естественнаго хода природной жизни, если мы допустимъ такимъ образомъ, что то, что называется пока не чудомъ, а соучастіемъ Бога въ мірѣ, есть вещь вполнѣ разумная, то ужъ намъ нельзя больше говорить: это Богу возможно, а то нѣтъ, до такого-то предѣла Онъ можетъ дойти, но никакъ не дальше. Мо-

жемъ ли мы, ничтожныя существа, ставить Богу границы и говорить Его вѣчной любви, всемогуществу и премудрости: „Столько Ты можешь, но дальше Твоя власть не можетъ простираться?“

Въ чемъ разница—по существу—между исполненной молитвою, хлѣбомъ, ниспосланнымъ голодному руками добраго человѣка, и чудомъ обращенія камня въ хлѣбъ? Разницы нѣтъ.

Что для насъ сверхъестественно, для Бога вполнѣ естественно; что чудо для земли, то „сама природа въ небесахъ“ (Функе, „Школа жизни“)

Ренану кажется непріемлемымъ чудо, потому-то оно будто бы *противоразумно*. Но вотъ существуетъ радій. Какъ извѣстно, одно изъ свойствъ радія то, что онъ уничтожаетъ дѣйствіе закона тяготѣнія на сосѣднія тѣла, вызываетъ кипѣніе, не давая теплоты, не уменьшаясь ни въ своемъ видѣ ни въ вѣсѣ. Радій для насъ непонятенъ, и съ этой стороны онъ чудо, такъ какъ не соединяется съ раннѣйшими нашими представленіями, разрушаетъ ихъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что мы должны отрицать радій? Нельзя отрицать того, что есть (архим. Михаилъ, кн. „Церковь, литература и жизнь“).

Зачѣмъ предаешь меня поцѣлуемъ.

„Можно жизнь самаго лучшаго человѣка изобразить въ такихъ краскахъ — и ничего не прибавляя — что всякій ужаснется". *И. С. Тургеневъ.*

Личность І. Х., Сына Божія, всегда приковывала къ себѣ вниманіе человѣческаго генія. Великіе ученые и первоклассные художники слова посвящали ей лучшіе порывы своего вдохновенія; изобразительное и пластическое искусства несли ей свою дань, она вдохновляла собою многихъ композиторовъ, создававшихъ подъ ея обаяніемъ свои лучшія, неумирающія мелодіи.

Эта сіяющая немерцающимъ свѣтомъ Божества личность Христа послужила темой самаго популярнаго у насъ произведенія Э. Ренана: „Vie de Iesus" („Жизнь Іисуса", написано въ 1863 г.).

Повидимому, Э. Ренанъ ставитъ себѣ цѣли самыя далекія отъ какой бы то ни было тенденціи. „Я написалъ свою книгу съ абсолютной холодностью историка, задаваясь единственною цѣлью выяснить самые тонкіе и самые непреложные оттѣнки истины", заявляетъ онъ въ предисловіи къ своему произведенію (6 стр.) [1]). Однако

[1]) По переводу Крыловой, изд. Глаголева.

его книга не просто художественно-научная комбинація евангельскихъ повѣствованій, какъ подобное же произведеніе Фаррара. Нѣтъ, это — „Жизнь Іисуса“, освобожденная отъ своихъ надстроекъ и своихъ темнотъ“ (7 стр.).

И такое отношеніе къ евангельской исторіи не поселяетъ въ немъ опасенія, что онъ такимъ образомъ разрушаетъ христіанскую религію. Напротивъ, онъ увѣренъ, что даже служитъ ей. По его мнѣнію, онъ разрушаетъ только тѣ „иллюзіи, которыя нѣкогда примѣшивались ко всѣмъ великимъ движеніямъ, какъ политическимъ, такъ и религіознымъ“ (8 стр.), такъ что, „если бы великій Галилейскій Учитель вновь появился на землѣ“, то онъ нашелъ бы своихъ истинныхъ послѣдователей среди людей, подобно Ренану, „любящихъ истину, прогрессъ и свободу“ (9 стр.). Съ такими намѣреніями онъ приступаетъ къ изображенію „дѣла Христова“—этой мировой трагедіи, которую онъ съ истинно-французскимъ благодушіемъ называетъ то „премиленькой идилліей“ (10 стр.), то „прелестнѣйшей пасторалью“ (29).

„Въ идейныхъ наукахъ вообще, и въ изученіи Евангелія особенно, за доказательствомъ, за разсудочными посылками и за выводами всегда и вездѣ стоитъ *вѣра* въ извѣстный идеалъ, во Христа или въ антихриста,—сердечно-волевыя склонности и отвращенія, любовь къ свѣту и тьмѣ, влеченіе Духа Свята и духа лесча, вообще нравственно-научное *я* изслѣдователя“ (М. Муретовъ, „Э. Ренанъ и его „Жизнь Іисуса“. „Бог. Вѣстн. 1893 г. 10, 86 ст.). Еще основатель нѣмецкой идеалистической философіи, Фихте, сказалъ:

„Was für eine Philosophie man wähle, hängt davon was für ein Mensch man ist (Einleitung, S. 433), т.-е. какой философіи мы держимся,—это зависитъ отъ того, что мы за люди“. А великій безумецъ Ницше, утрируя нѣсколько

мысль своего предшественника, говоритъ: „За мыслями и чувствами, братъ мой, стоитъ болѣе могущественный повелитель, невѣдомый мудрецъ, онъ называется *Само*. Въ твоемъ тѣлѣ онъ живетъ; онъ и есть твое тѣло. *Само* смѣется въ тебѣ надъ твоимъ *я* и надъ его гордыми скачками. „Что мнѣ эти скачки и полеты мысли, говоритъ оно себѣ. Окольный путь къ моей цѣли. Я служу помочами для *я* и внушителемъ понятій его". Каково же нравственно-научное *я* автора „Жизнь Іисуса?"

По своему научному міросозерцанію онъ „принадлежитъ къ той *школѣ* историковъ, которая, не видя въ жизни народовъ никакой объединяющей и высшей идеи, все объясняетъ случайностями мѣстности, времени, врожденныхъ предрасположеній и вообще всевозможныхъ и игривыхъ сочетаній слѣпого случая". (Муретовъ).

Тенденція поставить великія проявленія человѣческаго духа въ зависимость отъ климатическихъ, топографическихъ и т. п. условій проникаетъ всю его книгу. „Галилейская природа,—говоритъ Э. Ренанъ,—въ одно и то же время смѣющаяся и грандіозная, была единственной воспитательницей Іисуса" (16 стр.). „Ни въ одной странѣ горы не расположены такъ живописно и не внушаютъ столько высокихъ мыслей. Іисусъ, кажется, любилъ болѣе всего эти горы. Важнѣйшія событія его жизни происходили на горахъ. Тамъ на него нисходило вдохновеніе, тамъ онъ имѣлъ съ древними пророками тайные разговоры и тамъ предсталъ предъ глазами своихъ учениковъ преображеннымъ" (28 стр.). Самый успѣхъ благовѣстія евангельской истины онъ объясняетъ политическимъ положеніемъ родины Іисуса. „Нигдѣ не видно,—пишетъ онъ,—чтобы Іисусъ, при своемъ скитальческомъ родѣ жизни, хоть разъ былъ остановленъ полиціей. Такая свобода и особенное счастіе Галилеи, состоявшее

въ томъ, что она гораздо менѣе остальной Іудеи, была связана оковами фарисейскаго педантизма, давали этому краю большое преимущество передъ Іерусалимомъ" (26—7 стр.). Это внѣшнія, такъ сказать, условія успѣха евангельской проповѣди: внутренними же (если можно употребить это слово, говоря о Ренанѣ) была внѣшность Іисуса, „Его прекрасный характеръ и, безъ сомнѣнія, одна изъ тѣхъ очаровательныхъ наружностей, которыя иногда появляются въ іудейской расѣ, обладали такимъ волшебнымъ обаяніемъ, никто не могъ среди этого населенія наивнаго и добродушнаго". Такъ какъ евангельская мораль, „мало оригинальная сама по себѣ", составленная изъ „часто повторяемыхъ пословицъ" и „ходячихъ поговорокъ", мало кого могла заинтересовать, то Э. Ренанъ выдвигаетъ на сцену такое объясненіе ея вліянія на слушателей... голосъ проповѣдника. Въ салонномъ разговорѣ это приняли бы за милую шутку, но въ книгѣ, выдающей себя за критическую исторію жизни Іисуса, оно принимаетъ видъ научнаго объясненія. „Въ голосѣ Іисуса было какое-то вдохновенное выраженіе, придававшее новизну афоризмамъ, давно уже найденнымъ". Да притомъ и среда была нетребовательна и чрезвычайно воспріимчива. „Семьи рыбаковъ, среди которыхъ проповѣдывалъ Іисусъ, образовали тихое и мирное товарищество. Ихъ жизнь, не слишкомъ занятая, оставляла много свободы для воображенія. Идеи о царствіи Божіемъ въ этихъ дружескихъ собраніяхъ простыхъ людей исходили болѣе изъ вѣры, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и хотя доброта ихъ часто бывала суевѣрной и неглубокой, но нравы были мягки, и они обладали умомъ и пытливостью" (12 стр). „Вѣрная толпа странствовала вмѣстѣ съ Іисусомъ, *веселая и праздная,* собирая первые цвѣтки вдохновеній Учителя. Иногда возникало

сомнѣніе, слышался слегка скептическій вопросъ: Іисусъ одной улыбкой или однимъ взглядомъ заставляетъ умолкнуть возраженіе“ (69 стр.).

Такъ идиллически представляетъ себѣ Э. Ренанъ утвержденіе евангельской проповѣди. Онъ, повидимому и не подозрѣваетъ вопроса о мукахъ рожденія новой истины, долженствовавшей перевернуть все міросозерцаніе подзаконнаго человѣчества. Но евангельское слово, достойно заключаетъ Ренанъ, изложеніе „причинъ успѣха христіанства“, умерло бы вмѣстѣ съ его провозвѣстникомъ, если бы тому не помѣшали бытовыя условія Востока. „Отнимите восточное гостепріимство, и распространеніе христіанства невозможно будетъ объяснить“ (113 стр.). Итакъ, если христіанство чему-нибудь обязано въ энергіи своего распространенія, такъ это милому обычаю восточнаго гостепріимства.

Можно ли итти дальше этого въ объясненіи міровыхъ явленій человѣческой исторіи. Само собою понятно, что этимъ устраняется универсальность и вѣчность христіанской религіи. Истина, поставленная въ узкія рамки мѣста и времени, не можетъ сдѣлаться достояніемъ всего человѣчества на протяженіи всей его исторической жизни.

Правда, иногда Ренанъ и не церемонится: въ эти минуты откровенности дѣло „Іисуса“ вовсе не кажется большимъ. Иногда онъ прямо говоритъ, что Евангеліе Христа, его преувеличенная любовь къ бѣдности — все это было химерой, которую нужно простить, тѣмъ болѣе что она и прожила недолго... Заслуга Христа только въ томъ, что Его идеи *освобожденія* отъ крайностей дали „троицу“ новаго міровоззрѣнія (свобода, равенство, братство), въ окраскѣ и стилѣ сентиментальныхъ рантье...

Фальшивымъ диссонансомъ звучатъ поэтому въ книгѣ Э. Ренана его увѣренія въ томъ, что нагорную проповѣдь

ничто не превзойдетъ, никакая революція не заставитъ насъ въ религіи сойти съ великаго интеллектульнаго и моральнаго пути, во главѣ котораго сіяетъ имя Іисуса“ (161 стр.).

По своему философскому міросозерцанію позитивиста, Э. Ренанъ отрицаетъ все чудесное въ природѣ и исторіи. Между тѣмъ не только дѣла, которыя Онъ совершалъ, были проявленіемъ Божественной силы, но и Самъ Онъ является величайшимъ чудомъ міровой исторіи человѣчества. Хотя то и другое обстоятельство нисколько не затруднили Э. Ренана, ибо у него, какъ истиннаго сына своей родины, остроуміе часто замѣняетъ серьезность мысли, но они послужили причиной варварскаго обращенія его съ первоисточниками евангельской исторіи и съ изображаемой въ нихъ Личностью. Ни къ одному изъ историческихъ памятниковъ не оказывали такого недобросовѣстнаго отношенія, какъ къ нашимъ новозавѣтнымъ писаніямъ. А между тѣмъ нѣтъ ни одного древняго писанія, въ какомъ бы то родѣ ни было, которое представляло болѣе признаковъ подлинности и цѣлости, нежели четвероевангеліе; ни одно не было, подобно ему, одновременно извѣстнымъ во всѣхъ частяхъ свѣта; ни одно не было, подобно ему, *жизненнымъ началомъ* огромнаго общества, съ перваго вѣка проникнувшимъ всѣ народы и всѣ сословія“ (Гэтэ). „Евангелія суть отчасти тѣ же легенды, — говоритъ Э. Ренанъ;—это очевидно изъ того, что они полны чудесъ и сверхъестественнаго“. Это *изъ того, что* дѣлаетъ примѣчаніе къ цитируемому мѣсту изъ книги Э. Ренана аб. Гэтэ, поистинѣ неподражаемо. Значитъ, изъ того, что *факты* евангельскіе отличаются характеромъ сверхъестественности, слѣдуетъ, по г-ну Ренану, что они *баснословны* и что исторія не должна обращать на нихъ вниманія.

Прежде, чѣмъ разбить такъ съ плеча по вопросу о сверхъестественности, автору слѣдовало бы, кажется, доказать, что сверхъестественное не можетъ существовать, что Богъ не существуетъ, или что Онъ не можетъ имѣть прямого дѣйствія на міръ. Но онъ не удостоиваетъ снисходить до такихъ мелочныхъ вопросовъ. Онъ самовластно рѣшаетъ, что сверхъестественное невозможно и что чуть только фактъ оказывается чудеснымъ, его надо считать баснею или *легендою*". Поэтому Ренанъ и не цитируетъ Евангелія иначе, какъ съ прибавленіемъ „согласно легендѣ", согласно преданію. Наше четвертое каноническое евангеліе, яснѣе другихъ свидѣтельствующее о Богосыновствѣ Іисуса Христа, особенно не нравится Э. Ренану. Однако для него не существуетъ никакихъ затрудненій. Разъ евангеліе отъ Іоанна не отвѣчаетъ его научнымъ предпосылкамъ и симпатіямъ, онъ просто-напросто беретъ изъ біографическаго матеріала для своей quasi-научной „Жизни Іисуса". „Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, — говоритъ Ренанъ,—что Іисусъ никогда не думалъ выдавать Себя за воплощеніе Бога. Подобная мысль была совершенно чуждой еврейскому уму, ее можно найти лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ евангелія Іоанна, которыя не могутъ быть сочтены отголоскомъ мыслей Іисуса" (102 стр.). Почему не могутъ? Вѣдь Іоанну, какъ признаетъ самъ Э. Ренанъ, Божественный Учитель „далъ трогательныя доказательства своей привязанности" (140 стр.). Вѣдь Іоанна онъ же самъ считаетъ „единственно" „выдающимся и геніальнымъ" (161 стр.) среди всѣхъ учениковъ Іисуса. Напрасно мы искали бы въ книгѣ Ренана отвѣта на наши недоумѣнія. Авторъ „Жизни Іисуса" считаетъ, вѣроятно, праздными и непочтительнымъ такое любопытство. По крайней мѣрѣ, онъ нигдѣ на него не отвѣчаетъ. И насъ не должна

удивлять такакая научная безцеремонность. Здѣсь происходитъ то, что глубоко вѣрно подмѣтилъ еще А. С. Хомяковъ. „Кто,—говоритъ онъ,—отрицаетъ Церковь, тотъ изрекаетъ смертный приговоръ надъ Библіею“, ибо „безъ канона Библія не существуетъ, а внѣ Церкви нѣтъ канона“. Подобно евангелію отъ Іоанна не пользуется расположеніемъ Ренана и евангеліе отъ Марка, ярче другихъ засвидѣтельствовавшее въ Іисусѣ Христѣ Его чудодѣйственную силу. Но съ нимъ онъ не церемонится. А между тѣмъ даже А. Гарнакъ, такъ скептически относящійся къ канону новозавѣтныхъ писаній, щадитъ именно это евангеліе за его неподражаемо-художественную простоту языка и неподдѣльную искренность религіознаго одушевленія и называетъ его „первоевангеліемъ“ (Πρωτοευαγγέλιον). Болѣе всѣхъ по вкусу Э. Ренану евангеліе отъ Матоея, какъ „благовѣстіе“ (Εὐαγγέλιον σωματικόν), т. е. изображающее Іисуса Христа со стороны Его человѣческой природы. „Если бы Евангеліе ограничивалось нѣсколькими главами отъ Матѳея или Луки, оно было бы болѣе совершеннымъ и не возбуждало бы въ настоящее время столько возраженій“ (38 стр.), простодушно замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей книги.

Еще Берсье справедливо замѣтилъ, что, „когда хотятъ знать, кто былъ Христосъ, то надо объ этомъ спросить одного прежде всѣхъ, именно Самого Христа. Онъ очень опредѣленно говоритъ о Себѣ у ап. Матѳея, къ которому Ренанъ благоволитъ. Когда, на вопросъ Христа: „за кого меня считаетъ народъ“, Петръ отвѣтилъ: „Ты Христосъ, Сынъ Бога Живаго“, Іисусъ Господь сказалъ: „Это тебѣ открылъ *Отецъ*“ (Мѳ. XVI). Когда первосвященникъ спрашиваетъ Христа: „Ты ли Христосъ Сынъ Божій?“ Тотъ отвѣчаетъ: „Да. И вотъ вы увидите Сына человѣческаго одесную силы и грядуща на обла-

цѣхъ небесныхъ". И архіерей понялъ смыслъ словъ Іисуса, понялъ, что Онъ называетъ Себя Богомъ. Вспомнимъ, что это обвиненіе они предъявляютъ и на судѣ".

Какъ же поступаетъ съ самосвидѣтельствомъ Іисуса Христа Э. Ренанъ? Онъ называетъ Его то „прекраснымъ заблужденіемъ" (20 стр.), то видитъ въ Немъ просто благочестивый обманъ (pia fraus) и это у Того, Кого онъ помѣщаетъ „на недосягаемую вершину человѣческаго величія" (162 стр.), и къ Кому онъ обращается съ знаменательными словами: „Между Тобою и Богомъ не будетъ различія" (157 стр.). Поэтому Э. Ренанъ, съ одной стороны, урѣзываетъ самую идею Іисуса Христа о Твоемъ Богосыновствѣ, а съ другой—кладетъ пятно на нравственное достоинство Его безгрѣшной личности. „Іисусъ,—говоритъ Э. Ренанъ,—ни на одну минуту не допускаетъ святотатственной идеи, что Онъ Богъ. Онъ только думаетъ, что находится въ непосредственномъ общеніи съ Богомъ, только вѣритъ, что Онъ есть Сынъ Божій" (32 стр.). Но и для Ренана было понятнымъ, что Іисусъ называетъ Себя Сыномъ Божіимъ въ особенномъ смыслѣ, къ Нему Одному приложимомъ. То, что А. Гарнакъ называетъ „тайной его психологіи", Э. Ренанъ пытается объяснить властнымъ внушеніемъ окружающей Его раболѣпной толпы. „Иногда,—говоритъ Э. Ренанъ,—Іисусъ употреблялъ невинную хитрость. Скрывая истинную причину Своей силы, т.-е. Свое превосходство надъ всѣми окружающими, Онъ позволялъ думать, въ угоду идеямъ того времени, которыя къ тому же Онъ Самъ вполнѣ раздѣлялъ, что откровеніе свыше открывало Ему тайны и покоряло сердца. Всѣ думали, что Онъ живетъ въ сферѣ, превосходящей человѣческую" (67 стр.). Эта „невинная хитрость" опасна особенно въ томъ отношеніи, что прибѣгающій къ ней въ концѣ-концовъ

самъ убѣждается въ томъ, въ чемъ онъ хотѣлъ убѣдить другихъ. То же самое произошло и съ Іисусомъ. „Чѣмъ болѣе вѣрили въ Него, тѣмъ болѣе и Самъ Онъ вѣрилъ въ Себя", говоритъ Э. Ренанъ (58 стр.). „Онъ считалъ Себя Сыномъ Бога, но не сыномъ Давида. Но тутъ общественное мнѣніе совершило надъ Нимъ насиліе, и Онъ позволилъ дать Себѣ это названіе, безъ котораго не могъ надѣяться на успѣхъ" (101 стр.). Впослѣдствіи Іисусъ Самъ убѣдился въ Своемъ мессіанскомъ достоинствѣ и властно, какъ царь, говорилъ, что Онъ окруженный тьмами ангеловъ, придетъ судить міръ.

Изъ двухъ тезисовъ Ренана, выраженныхъ здѣсь, одинъ (мысль, будто Христосъ не считалъ себя Богомъ)— ложь, другой (объясненіе происхожденія идеи Богосыновства во Христѣ) — клевета.

„Іисусъ считалъ себя не сыномъ Давида, а Сыномъ Божіимъ—и Сыномъ Божіимъ, но не Богомъ. Читайте Марк. XII, 35. Дѣйствительно, Христосъ даетъ мысль, что Онъ не сынъ Давида, а больше — Сынъ Божій. Но какой Сынъ? Этотъ Сынъ есть вмѣстѣ и „Господь", и мѣсто Его по „правую сторону Отца".

А самозванство Іисуса — можно ли выдумать большую клевету?

Клеветническій характеръ мысли Ренана только подчеркивается тѣмъ, что онъ пытается оправдывать Іисуса.

„Смѣлость мысли о Богосыновствѣ въ Іисусѣ не должна насъ удивлять,—замѣчаетъ Э. Ренанъ.—Что въ другихъ могло бы казаться чрезмѣрнымъ самомнѣніемъ, то въ Немъ не должно быть разсматриваемо, какъ дерзкое посягательство" (100 стр.). Почему не должно? Чтобы быть послѣдовательнымъ, надо имѣть мужество

называть вещи ихъ собственными именами. Иное замаскированное снисхожденіе гораздо хуже открыто высказаннаго порицанія. Предательскій поцѣлуй Іуды и его: „радуйся, равви“, было несравненно тяжелѣй для Понесшаго на Себѣ грѣхи міра, чѣмъ поруганія грубыхъ римскихъ воиновъ. Религіозное самозванство, подобно гражданскому узурпаторству, какими бы личными доблестями ни было обставлено, всегда должно быть разсматриваемо, какъ явленіе весьма невысокаго качества, и тогда обвиненіе, предъявленное Іисусу іудеями: „Мы имѣемъ законъ, и по закону нашему Онъ долженъ умереть, потому что сдѣлалъ Себя Сыномъ Божіимъ“ (Іоан. XIX, 7), было вполнѣ справедливымъ, и тогда голгооскій крестъ Христовъ не будетъ уже символомъ побѣды правды Божественной, символомъ спасенія грѣховнаго человѣчества; нѣтъ, онъ ничѣмъ не будетъ разнится отъ тѣхъ крестовъ, на которыхъ были распяты два разбойника, которые, по собственному ихъ сознанію, приняли только достойное по дѣламъ ихъ (Лук. XXIII, 41).

Не признавая Іисуса Богомъ, Ренанъ не считалъ Его и безгрѣшнымъ. „Онъ,—говоритъ Ренанъ,—побѣждалъ тѣ же страсти, противъ которыхъ боремся и мы; никакой ангелъ съ неба не подкрѣплялъ Его, кромѣ Его собственной совѣсти; никакой демонъ Его не искушалъ, кромѣ того, который имѣется въ сердцѣ каждаго человѣка“ (164 стр.). Ему не чужды пріятныя волненія мелкаго тщеславія. „Нищій Вартимей доставляетъ Ему большое удовольствіе, упорно называя его „сыномъ Давидовымъ“ (131 стр.). Когда же наносятся удары Его проповѣдническому самолюбію, Онъ просто - напросто отшучивается. Когда жители Назарета хотѣли убить Его, „Іисусъ остроумно замѣтилъ, что такъ обыкновенно бываетъ со всѣми великими людьми, и Онъ примѣнилъ

къ себѣ пословицу: „Никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ“ (56 стр.). „Какъ человѣкъ неглубокій по натурѣ, Іисусъ не могъ долго переживать нанесенную Ему обиду. Назаретская неудача не смутила Его. Онъ вернулся въ Капернаумъ, гдѣ были болѣе расположены къ Нему, и оттуда ходилъ на проповѣдь въ окрестные маленькіе города“ (Ibid.).

Авторъ „Жизни Іисуса“ набрасываетъ неблаговидную тѣнь и на отношенія Христа къ окружавшимъ Его женщинамъ: „Онъ былъ въ короткихъ и вольныхъ отношеніяхъ, но чисто нравственныхъ, съ женщинами двусмысленнаго поведенія“. Откуда набралъ г-нъ Ренанъ, спрашиваетъ аб. Гэтэ, эти черты, приписываемыя имъ Іисусу? Онъ безсовѣстно указываетъ на Евангелія. Св. Лука (VII, 37 и сл.) повѣствуетъ, что нѣкая жена-грѣшница оплакивала свои грѣхи у ногъ Іисусовыхъ и что Онъ сй ихъ отпустилъ; св. Іоаннъ (IV, 7 и сл.) повѣствуетъ, что Іисусъ обратилъ жену самаритянку, которая оставила порочную жизнь и предалась подвигамъ добродѣтели; тотъ же евангелистъ передаетъ намъ, что Онъ изрекъ прощеніе женѣ, „взятой въ прелюбодѣяніи“ (VIII, 3), обвиненной фарисеями, завѣщая ей „впредь не грѣшить“ (11). „И вотъ на какихъ разсказахъ, на которые онъ ссылается въ примѣчаніи, утверждается г-нъ Ренанъ, представляя Іисуса человѣкомъ очарованнымъ женщинами и находившимися съ ними *въ короткихъ и вольныхъ* отношеніяхъ! Возможно ли еще наглѣе лгать противъ исторіи и еще злѣе издѣваться надъ невѣжествомъ людей, слѣпо въ него вѣрующихъ?“ спрашиваетъ аб. Гэтэ.

Предательское оклеветаніе личности Христа достигаетъ своего апогея, когда Э. Ренанъ приступаетъ къ

описанію послѣднихъ дней Его земной жизни. Предсмертныя муки Принявшаго грѣхи всего міра превращены имъ въ меланхолическую грусть по свѣтлымъ ручейкамъ, виноградникамъ и фиговымъ садамъ Его родины и „по молодымъ дѣвушкамъ, которыя, можетъ-быть, согласились бы Его полюбить“ (138 стр.). „Эта послѣдняя пошлость только возбуждаетъ глубокую жалость къ тому, кто дерзнулъ ее выпустить изъ-подъ своего пера“ (Гэтэ). Этотъ, нарисованный Э. Ренаномъ, образъ Христа никакъ не вяжется съ заключительнымъ аккордомъ его книги, гдѣ онъ говоритъ, что „Іисуса никто не превзойдетъ, и что между сынами человѣческими не рождалось никого, болѣе великаго (164 стр.). Объясненіе такому страннному противорѣчію можно видѣть развѣ только въ томъ, что „когда Ренанъ говоритъ о человѣчествѣ, онъ подъ этимъ словомъ разумѣетъ Францію; французскую точку зрѣнія онъ распространяетъ на всѣ народы, французскія идеи и потребности данной минуты онъ переноситъ на всѣ времена. Даже древніе историческіе герои, начиная съ центральной фигуры въ „Vie de Iésus“, являются какъ бы французскими подъ перомъ Ренана“ (Л. З. Слонимскій. „Э Ренанъ“. В. Е. 92 г. XII). А что такое представлялъ изъ себя французскій буржуа его времени, прекрасно отвѣчаетъ Ѳ. М. Достоевскій въ своихъ „Зимнихъ замѣткахъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“: „Потребность добродѣтели въ Парижѣ,—писалъ въ 1863 г. Ѳ. М. Достоевскій,—неугасима. Теперь французъ серьезенъ, солиденъ и даже часто умиляется сердцемъ. Странный человѣкъ этотъ буржуа: провозглашаетъ прямо, что деньги есть высочайшая добродѣтель и обязанность человѣческая, а между тѣмъ ужасно любить поиграть и въ высшее благородство. Всѣ французы имѣютъ удивительно благородный видъ. У самаго подлаго французика,

который за четвертакъ продастъ вамъ родного отца, да еще самъ, безъ спросу, прибавитъ вамъ что-нибудь въ придачу, въ то же время, даже въ ту самую минуту, какъ онъ вамъ продастъ своего отца, такая внушительная осанка, что на васъ нападаетъ даже недоумѣніе. Буржуа до страсти любитъ неизъяснимое благородство. На театрѣ подавай ему непремѣнно безсребренниковъ. Гюставъ долженъ сіять только однимъ благородствомъ, и буржуа плачетъ отъ умиленія, безъ неизъяснимаго благородства онъ и спать не можетъ спокойно". Эта потребность „неизъяснимаго благородства" водила и перомъ Ренана, когда онъ писалъ свою „Жизнь Іисуса". Ему, повидимому, хотѣлось, говоря словами нашего поэта, „облиться слезами" подъ своимъ художественнымъ вымысломъ. Но художественное произведеніе является лучшимъ зеркаломъ души писателя. Живымъ подтвержденіемъ нашей мысли является геніальный, но все же „мертвый" художникъ слова Н. В. Гоголь, всю жизнь пытавшійся и не смогшій одѣть нравственное совершенство въ плоть и кровь живой личности [1]). Здѣсь проявляетъ свою силу тотъ психологическій законъ, что только „чистые сердцемъ узрятъ Бога" (Мѳ. V, 8).

Главнымъ доказательствомъ Своего Божественнаго достоинства І. Христосъ считалъ дѣла, которыя Онъ дѣлаетъ, т.-е. чудеса. Э. Ренанъ, какъ мы видѣли, въ принципѣ отвергаетъ все чудесное; однако при объясненіи чудесъ, которыя устанавливаются историками-евангелистами, какъ факты земной жизни Спасителя, ему приходится держаться того или иного, но во всякомъ

---

[1]) Эту нестерпимую муку генія, чувствующаго свою безпомощность, онъ нарисовалъ въ своемъ „портретѣ".

случаѣ опредѣленнаго къ нимъ отношенія. И нигдѣ безпомощность его мнимонаучнаго критическаго анализа не сказывается такъ ярко, какъ именно здѣсь. Все многочисленное множество евангельскихъ чудесъ можно раздѣлить на 3 группы: на 1) чудесныя состоянія (хожденіе по водамъ, преображеніе), на 2) чудесныя дѣйствія (укрощеніе бури, насыщеніе 5-ю хлѣбами 5000 чел.) и на 3) чудеса — исцѣленія. Первыя и вторыя онъ или совсѣмъ игнорируетъ или даетъ до смѣшного простыя объясненія. Чудо искушенія Христа въ пустынѣ „духомъ самоуничтоженія и небытія", въ трехъ вопросахъ котораго „какъ бы соединена,—по мнѣнію О. М. Достоевскаго,—въ одно цѣлое и предсказана вся дальнѣйшая исторія человѣческая", не привлекаетъ къ себѣ вниманія автора „Жизни Іисуса" даже своей психологической глубиной, и онъ посвящаетъ ему такія, ничего не говорящія уму и сердцу строки:

„*Полагаютъ*, что во время пребыванія Іисуса въ пустынѣ іудейской, Онъ подвергался страшнымъ искушеніямъ, что сатана пугалъ Его призраками, соблазнялъ заманчивыми обѣщаніями и что затѣмъ ангелы, чтобы вознаградить за побѣду, явились служить Ему" (47 стр.). Первое чудо Іисуса на бракѣ въ Канѣ Галилейской, гдѣ Онъ освятилъ Своимъ Божественнымъ авторитетомъ человѣческую радость, даетъ Э. Ренану поводъ высказать слѣдующія двусмысленныя замѣчанія: „Іисусъ не избѣгалъ веселья и охотно шелъ на свадьбы. Одно изъ Его чудесъ было сдѣлано ради того, чтобы доставить удовольствіе на бракѣ, въ маленькомъ городкѣ". Поистинѣ, нельзя не подивиться „пикантности" почтеннаго академика.

Чудесный фактъ претворенія воды въ вино на нашихъ глазахъ превращается въ простую любезность

свѣтскаго человѣка, въ понятіе „доставить удовольствіе“. То же самое произошло и съ чудомъ насыщенія 5-ю хлѣбами 5000 человѣкъ. „Благодаря своей крайней умѣренности, святое общество („много народа“) пребывало въ ней, и въ этомъ видѣли чудо“. По справедливости можно сказать, что ученый профессоръ имѣетъ сверхъестественное представленіе о границахъ человѣческой умѣренности. Наконецъ о чудѣ преображенія на горѣ Оаворъ Э. Ренанъ считаетъ вполнѣ достаточнымъ небрежно замѣтить: „Говорятъ, что Онъ бесѣдовалъ на горахъ съ Моисеемъ и Иліей и тамъ предсталъ предъ глазами Своихъ учениковъ преображеннымъ“ (29 стр.) Если Э. Ренанъ считаетъ необходимымъ или, лучше сказать, неизбѣжнымъ отнестись съ доступной для него серьезностью къ чудесамъ евангельской исторіи, такъ это къ чудесамъ, носящимъ характеръ исцѣленій. „Почти всѣ чудеса, которыя Самъ Іисусъ считалъ Имъ сдѣланными, были чудеса исцѣленія“ (105 стр.). И онъ дѣлаетъ безпомощную попытку дать имъ естественное объясненіе. „Присутствіе при больномъ *необыкновеннаго* человѣка, обращающагося съ больнымъ кротко и нѣкоторыми пріемами пробуждающаго въ немъ увѣренность въ выздоровленіи, часто бываетъ рѣшительнымъ лѣкарствомъ. Кто можетъ утверждать, что во многихъ случаяхъ, *за исключеніемъ,* разумѣется, *вполнѣ характерныхъ поврежденій,* соприкосновеніе съ возвышенною личностью не имѣетъ больше силы, чѣмъ всѣ пособія аптеки. Удовольствіе видѣть подобную личность уже исцѣляетъ“ (105 стр.). Въ объясненіи Э. Ренаномъ чудесъ исцѣленій мы имѣемъ дѣло съ молодой теоріей нервныхъ болѣзней и ихъ лѣченія гипнотизмомъ. Но и здѣсь, какъ и вездѣ, его скептицизмъ не имѣетъ мужества быть послѣдовательнымъ; изъ болѣзней, поддающихся лѣченію

впушеніемъ, онъ выдѣляетъ, какъ исключеніе, цѣлую группу „характерныхъ поврежденій“, т.-е. область хирургіи. Въ этомъ отношеніи гораздо послѣдовательнѣе Золя, заявляющій устами одного доктора въ романѣ „Лурдъ“, что въ настоящее время наши свѣтила-доктора сильно подозрѣваютъ, что многія изъ наружныхъ язвъ относятся къ нервнымъ болѣзнямъ“. Однако какъ же г-нъ Ренанъ объяснятъ такія чудеса, какъ исцѣленіе слѣпорожденнаго? Назвать его легендой неудобно, ибо это единственное чудо, засвидѣтельствованное судебной властью еврейскаго народа (Іоан. IX, 18—34), и потому онъ просто-напросто благоразумно о немъ умалчиваетъ. А укрощеніе бури, которое вызвало у присутствующихъ смущенный возгласъ:

„...И вѣтеръ повинуется Ему...“

Чудеса евангельскія таковы, что въ нихъ нужно или вѣрить или совершенно отрицать. Средній путь—попытка ихъ естественнаго объясненія—всегда приводитъ къ самымъ нелѣпымъ положеніямъ; такова попытка объяснить воскрешеніе Христомъ Лазаря (Іоан. XI, 1—44). „Случилось что-то такое, что приняли за воскрешеніе“, говоритъ Ренанъ и далѣе поясняетъ:

„Виѳанское семейство могло быть вовлечено, само того не подозрѣвая, въ участіе въ желаемомъ дѣлѣ. Повидимому, Лазарь былъ боленъ. *Радость о приходѣ Іисуса могла возвратить Лазарю жизнь* (?!). Можетъ-быть, также горячее желаніе зажать ротъ тѣмъ, которые обидно отвергали Божественное посланничество ихъ Друга, завлекло этихъ странныхъ особъ за предѣлы умѣренности. Можетъ-быть, Лазарь, еще блѣдный отъ болѣзни, велѣлъ повить себя обвязками, какъ покойника, и положить въ своей семейной гробницѣ. Іисусъ, подведенный къ гробницѣ Лазаря, думалъ, что другъ Его умеръ. Волненіе,

Имъ овладѣвшее, могло быть принято за то тревожное состояніе, которымъ сопровождались чудотворенія. Въ такомъ предположеніи Іисусъ захотѣлъ еще разъ посмотрѣть на того, кого Онъ такъ любилъ, и, когда отвалили камень отъ гробницы, Лазарь вышелъ въ обвязкахъ, какъ покойникъ. Это его появленіе долженствовало естественно быть принятымъ за воскресеніе". Здѣсь, что ни слово, то перлъ. Предположеніе нанизывается на предположеніе и въ концѣ-концовъ получается что-то въ родѣ безсознательнаго умысла. И какъ думать объ участникахъ этой недостойной комедіи? Гэтэ справедливо замѣчаетъ: „Все сводится къ тому, что Лазарь, обѣ его сестры, а съ ними Іисусъ, просто морочили, а всѣ видѣвшіе чудо были дураки".

Но куда дѣлись слова сестры покойника: „Онъ уже разлагается".

Четыре дня прошло послѣ смерти и началось уже разложеніе трупа... вотъ фактъ, который нужно было такъ или иначе „уничтожить" Ренану. Какъ же онъ его уничтожаетъ? А просто: онъ о немъ *забылъ*, конечно, намѣренно.

Закрывая книгу Ренана, читатель съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: какъ можно было приписать личности Іисуса, какъ она нарисована Ренаномъ, *безконечную очаровательность?* „Эта уже тайна нашего писателя, который воображаетъ, безъ сомнѣнія, что за приторными фразами ему удастся спрятать свой грѣхъ и свои истинныя чувства" (Гэтэ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Пастораль 3

Евангеліе мѣщанъ 30

Нѣсколько словъ о чудѣ 54

Зачѣмъ предаешь меня поцѣлуемъ 60